

43 $\frac{02}{31}$

РУССКІЕ
ПЛѢННИКИ И НЕВОЛЪНИКИ
ВЪ КРЫМУ.

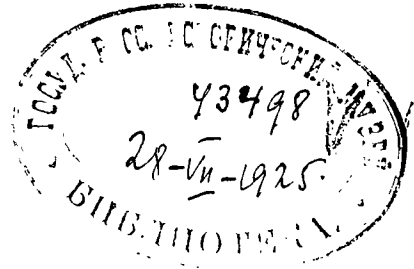
—*—
М. Н. БЕРЕЖКОВА.

Изъ II-го тома Трудовъ VI Археологическаго Съезда въ Одессѣ.

ОДЕССА.

Типографія А. Шульце, Ланжероновская улица, домъ Карузо, № 36.
1888.

Русскіе плѣнники и невольники въ Крыму.

Вопросъ о вліяніи татарскаго ига на нашу жизнь государственную и бытовую справедливо привлекаетъ постоянное вниманіе русскихъ историковъ. Но въ оцѣнкѣ сего вліянія не всегда соблюдается, на нашъ взглядъ, настоящая мѣра: иногда слишкомъ много значенія приписывается татарскому игу въ дѣлѣ происхожденія и образованія Московскаго государства; слишкомъ много также говорится о дурномъ вліяніи татаръ на наши нравы и обычаи. Менѣе вниманія обращается на тяжесть ига въ отношеніи экономическомъ, что, по нашему мнѣнію, есть сторона дѣла наиболѣе существенная, которую слѣдуетъ выставить на первый планъ въ исторіи нашихъ отношеній къ Золотой Ордѣ и преемницѣ ея, Ордѣ Крымской.

Въ самомъ дѣлѣ, татары не только брали поголовную дань и разнообразныя поборы со всего русскаго населенія, за исключеніемъ духовенства, но ещё вводили въ Орду немалую часть сего населенія, пользовались не только плодами трудовъ, но и самими работниками. Извѣстно, что они требовали отъ русскихъ князей, какъ и отъ всѣхъ вообще подвластныхъ народовъ, десятины въ людяхъ и во всякомъ имуществѣ. Уже въ первые годы ига, при Батѣ, была произведена перепись южно-русскаго населенія съ дѣлію обложить его поголовною данью: по словамъ Платона Карпини, проѣзжавшаго тогда чрезъ южную Россію, въ нее былъ присланъ отъ великаго хана и Батия одинъ саррацинъ для производства переписи и набора людьми; отъ каждаго отца семьи, имѣвшаго троихъ сыновей, онъ бралъ одного; сверхъ того забиралъ безсемейныхъ мужчинъ и женщинъ, также нищихъ и всякихъ несостоятельныхъ плательщиковъ дани; все остальное населеніе было поголовно обложено данью изъ мѣховъ ¹⁾. По извѣстію того же и другихъ европейскихъ путешественниковъ

¹⁾ Собраніе путешествій къ татарамъ, перев. Д. Лыкова, Спб. 1825, стр. 184—185. Итакъ, южная Русь была переписана раньше, чѣмъ сѣверная. Перепись и соединенный съ нею наборъ людей длились нѣсколько лѣтъ, судя по тому, что лѣтописи говорятъ о производствѣ переписи въ сѣверо-восточной Руси подъ разными годами: тѣмъ тяжелѣе для населенія. — О десятинѣ со всѣхъ покоренныхъ народовъ говоритъ Платонъ Карпини, стр. 182—183. Сравни лѣтопись по Лавр. списку, изд. 2-е Археогр. Ком., стр. 487.

въ татарамъ, они выбирали изъ подвластнаго населенія искусныхъ ремесленниковъ ¹⁾. Русскія лѣтописи говорятъ и ханскіе ярлыки духовенству подтверждаютъ, что по требованію хановъ русскіе князья ставили имъ вспомогательныя отряды войска и людей для исполненія разныхъ натуральныхъ повинностей ²⁾. Если взять все это въ расчетъ, т. е. уводъ изъ земли военноплѣнныхъ во время татарскихъ нашествій, наборы рекрутовъ и ремесленниковъ, обращеніе въ рабство лицъ безсемейныхъ, бобылей и нищихъ, какъ несостоятельныхъ плательщиковъ дани, то мы, кажется, не преувеличимъ, предполагая, что татары дѣйствительно успѣвали иногда уводить въ Орду не меньше требуемой ими десятой части русскаго населенія, особенно въ первый вѣкъ ига, наиболѣе тяжелый по причинѣ многократныхъ опустошительныхъ нашествій татарскихъ, т. е. до Ивана Даниловича Калиты. Въ этомъ-то уводѣ людей и обложеніи поголовной данью всего остальнаго населенія, да въ уплатѣ различныхъ ордынскихъ проторей заключается особенная тяжесть ига: оно было въ собственномъ смыслѣ слова *порабощеніемъ*.

И пусть въ послѣдствіи распалась Золотая Орда; пусть совершилось такъ называемое сверженіе татарскаго ига, благодаря великому князю Ивану III Васильевичу, который столь искусно воспользовался враждою астраханскихъ и крымскихъ татаръ. Скоро зависимость отъ Золотой Орды смѣнилась другою, правда, менѣе тяжелою, однако и не легкою зависимостью отъ Крыма, который считалъ себя наслѣдникомъ власти и правъ Золотой Орды и, какъ подручникъ Турціи, опирался на ея могущественную поддержку. Дѣло въ томъ, что съ прекращеніемъ подданства Золотой Ордѣ Московское государство ставитъ себѣ новую трудную задачу, а именно—возвращеніе отъ Литвы и Польши старыхъ русскихъ земель; началась вѣковая упорная тяжба Московскаго государства съ польскорусскимъ, какъ нельзя болѣе выгодная для крымскихъ хановъ. Роли мѣняются: теперь крымскіе ханы вмѣшиваются въ отношенія двухъ тяжущихся сторонъ, вступаютъ въ союзъ то съ Москвою, то съ Польшей, смотря по тому, какая сторона больше платитъ поминковъ; и въ то же время безпрестанно грабятъ московскую и польскую украины, уводятъ въ плѣнъ

¹⁾ *Плано-Карпини*, стр. 55; 193—197. Жизнь и дѣянія великаго Тамерлана, сочиненію и дневникъ *Клавихо*, перев. и комментаріи гг. Срезневскихъ въ Сборникъ отд. русскаго языка и словесн. Акад. Наукъ, т. XXVIII, № 1, стр. 327. Срв. записки *Барбаро*, перев. Семенова, въ Библиотекѣ иностр. писат. о Россіи I, стр. 31.

²⁾ Напримѣръ, лѣтоп. по Лаврент. сп. стр. 498. Лѣтопись по Ипатск. сп. стр. 585; 588—589 (также 2 изд. Арх. Ком.). Ср. *Плано-Карпини*, стр. 184. Между повинностями ханскіе ярлыки упоминаютъ «войну»: см. тексты ярлыковъ у *Григорьева*, О достоверности ханскихъ ярлыковъ, стр. 115. О русскомъ народѣ въ татарскихъ кочевьяхъ и въ войскахъ срв. въ Ист. рин Россіи *Д. И. Иловайскаго*, ч. 2, стр. 394—404.

сотни и тысячи русскаго народа. Умный, опытный дипломатъ своего времени, баронъ Герберштейнъ, съ перваго разу понялъ причину силы крымскаго хана: она заключалась не въ чемъ иномъ, какъ въ соперничествѣ государствъ Московскаго и Польскаго, старавшихся поднимать Крымскую Орду другъ на друга и откупаться подарками отъ ея нападений на собственныя границы¹⁾. Цѣлые вѣка продолжалась такая политика, — и татарское иго въ видѣ ежегодныхъ поминковъ и дачи крымскимъ ханамъ, да увода ими въ неволю многочисленнаго русскаго населенія съ обѣихъ украинъ, московской и польской, продолжало тяготѣть надъ обоими государствами вплоть до паденія Польши и Крыма. Два вопроса, тѣсно межъ собою связанные, польскій и крымскій, разрѣшились для Россіи одновременно, именно по причинѣ тѣсной внутренней ихъ связи: какъ только стала кончатся тяжба съ Польшей за древнія русскія земли, такъ пало и крымское ханство, жившее на счетъ этой тяжбы двухъ государствъ: можно сказать, что распаденіе Польши неменѣе рѣшительно повліяло на судьбу Крыма, какъ и разгромъ его и Турціи нашими войсками въ первую турецкую войну при Екатеринѣ. Иначе было въ прежніе вѣка. Московская и Польская украинны со стороны Крыма, весьма протяженныя и мало защищенныя, были въ любомъ мѣстѣ удобны для татарскихъ вторженій. Занимая огромныя, но весьма рѣдко населенныя пространства, государства Московское и польское представляли собой какъ бы малокровныя, хотя и большіе по природнымъ задаткамъ организмы, а кража татарами украинскаго народу еще болѣе обезсиливала ихъ. Оба государства были очень бѣдны: ни въ чемъ другомъ такъ ярко не высказывается эта бѣдность, простота и чернота жизни, какъ въ этой дешевизнѣ и необезпеченности человѣка, въ возможности для крымскихъ разбойниковъ безнаказанно красть русскій украинскій людъ. Притомъ, если Московское государство не всегда могло оказывать защиту пограничному населенію по причинѣ отдаленности его отъ центра, если государству нерѣдко приходилось оборонять не Украину сѣверскую, а гораздо ближайшую, т. е. берега Оки у Серпухова, Каширы или Коломны, то въ безпорядочной Рѣчи Посполитой не всегда хотѣли оказывать эту защиту: воинскій духъ шляхты замѣтно упалъ уже въ XVI вѣкѣ, и такіе мужественные, дѣятельные воины, каковы князья Острожскіе, были весьма рѣдки²⁾. Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже шло дѣло: случалось, что украинское русское населеніе умышленно отдавалось поляками на жертву татарамъ. Такъ напримѣръ, въ 1653 году, договоромъ подъ Жванцемъ, король Янъ Казиміръ

¹⁾ Записки о Московіи, перев. Анонимова, Спб. 1866, стр. 155.

²⁾ О польской и литовской шляхтѣ XVI-го вѣка весьма любопытны замѣчанія кн. Курбскаго, лично и близко знавшаго ее: комическое изображеніе шляхтичей, храбрыхъ дома за виномъ и трусливыхъ предъ татарами, на глазахъ ихъ забиравшими народъ, отзывается у Курбскаго жизненною правдой: Сказанія, изд. 2, стр. 65—68.

позволилъ крымскому хану грабить Украину въ продолженіи сорока дней и забирать въ плѣнъ русскихъ, но не поляковъ; такую цѣной польскій король покупалъ дружбу и союзъ хана! Или: въ 1676 году крымскіе татары сдѣлали нападеніе на Воынь, Подолію и Галицію; страна была беззащитна, по неимѣнію войска; татары набрали до сорока тысячъ полону, а поляки, по донесенію нашего резидента Тяпкина, говорили однѣ рѣчи: «пустъ поганая Русь, схизматики, погибають»¹⁾. Тагъ къ розни политической двухъ государствъ присоединялась племенная и религіозная вражда населенія внутри польскаго государства, дававшая татарамъ еще больше возможности грабить и плѣнять русское населеніе, бывшее въ загонѣ даже дома. Ко всему этому надобно прибавить обычную славянскую безпечность, которая сказывалась даже въ такомъ дѣлѣ, какъ обереганіе своей свободы и жизни отъ крымскихъ хищниковъ, отъ татарской неволи и турецкой каторги...

Въ настоящемъ рефератѣ, представляемомъ Одесскому Археологическому Съѣзду, мы желаемъ намѣтить въ самыхъ общихъ чертахъ исторію русскаго невольничества въ Крыму, въ видѣ краткой программы сего предмета, подробное разсмотрѣніе котораго потребовало бы особаго продолжительнаго труда, — впрочемъ, весьма интереснаго и благодарнаго труда для того автора, который бы рѣшился посвятить ему себя. Въ нашихъ отношеніяхъ къ Крыму и Турціи вопросъ о невольникахъ, о ихъ потерѣ и выкупѣ изъ бусурманской неволи, былъ важнымъ жизненнымъ вопросомъ для государства и народа въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ къ ряду, — существенною частью того великаго, сложнаго историческаго вопроса, который принято называть «восточнымъ».

I.

Прежде всего поражаетъ многочисленность русскихъ плѣнниковъ, уведившихся въ Крымъ, а оттуда продававшихся въ разныя страны востока. По словамъ извѣстнаго славянскаго патріота XVII-го вѣка, Юрія Крижанича, на всѣхъ военныхъ турецкихъ галерахъ не видать было почти никакихъ другихъ гребцовъ, кромѣ русскихъ; по всей Греціи, Сиріи, Палестинѣ, Египту и Анатолиі, то есть по всему турецкому царству, было такое множество русскихъ плѣнныхъ, что они обыкновенно спрашивали у своихъ земляковъ, вновь приходившихъ: «да ужъ остались ли на Руси еще какіе-нибудь люди?»²⁾. Подобными чертами изображаетъ дѣло Михалонъ литвинъ, авторъ XVI-го вѣка, которому принадлежитъ любопытное публицистическое, впрочемъ, сильно тенденціозное сочиненіе «о нравахъ татаръ, литовцевъ и мо-

¹⁾ *Соловьевъ*, Ист. Россіи, т. X, 280 (2 изд.) и XIII, 268.

²⁾ *Крижаничъ*, О Промыслѣ, Моск. 1860, стр. 9—10.

святянъ»; по его словамъ, одинъ еврей мѣняла, жившій въ Перекопѣ, безпрестанно видя множество привозимыхъ туда плѣнниковъ русскихъ изъ Литвы, спрашивалъ: «остаются ли еще люди въ нашихъ странахъ (т. е. въ Литвѣ), и откуда берется такое множество народу?»¹⁾ Злая насмѣшка въ устахъ евреевъ, которые были дѣятельными участниками невольничьей торговли въ Крыму!

Постояннымъ, обычнымъ средствомъ къ пріобрѣтенію русскихъ плѣнниковъ крымскими татарами были набѣги. Они начинаются съ XVI-го вѣка, съ начала княженія Василя III Ивановича; въ продолженіи сего вѣка наиболѣе значительныхъ набѣговъ было больше двадцати, т. е. среднимъ числомъ по одному набѣгу меньше чѣмъ на каждое пятилѣтіе; по количеству набѣговъ крымскихъ и опустошительности нѣкоторыхъ изъ нихъ XVI-й вѣкъ есть наиболѣе тяжкій для Московскаго государства. Берега Оки были обыкновенною границей, до которой быстро добѣгали крымцы: побывать хотя однажды на берегахъ сей рѣки каждый ханъ крымскій считалъ для себя дѣломъ почти обязательнымъ и въ своемъ родѣ воинскою честью²⁾. Конечно, не всѣ набѣги были одинаково удачны для татаръ; иные были совершенно неудачны и бѣдственны для нихъ самихъ; за то нѣкоторые были такъ опустошительны, что напоминали времена Батыя. Въ 1521 году Махметъ-Гирей и братъ его, царь казанскій Саипъ-Гирей, вывели, говорятъ, изъ Московскаго государства до восьми сотъ тысячъ плѣнныхъ, которыхъ послѣ продавали въ Кафѣ и Астрахани; впрочемъ, Герберштейнъ, приводящій эту цифру, самъ справедливо сомнѣвается въ ея подлинности³⁾. Въ 1533 году крымскій Саипъ-Гирей хвалился, что онъ вывелъ въ этотъ годъ изъ Московскаго государства не меньше ста тысячъ народу⁴⁾. Въ 1571 году Девлетъ-Гирей сжегъ самую Москву, наполненную людьми и имуществомъ; народу погибло въ ней, говорятъ, до восьми сотъ тысячъ, да въ плѣнъ уведено до ста пятидесяти тысячъ⁵⁾. Допустимъ, что и

¹⁾ Латинскій текстъ съ русскимъ переводомъ Шестакова въ «Архивѣ истор. юрид. свѣдѣній Калачова» кн. 2, полов. вторая, подъ заглавіемъ: Извлеченія изъ сочиненія Михалона литвина. Оно было сокращено уже первымъ его издателемъ, Грассеромъ, но не вездѣ понятно сокращено. Авторъ бывалъ въ Крыму, какъ видно изъ его собственныхъ словъ на стр. 9 и 25. Название «Михалонъ литвинъ» не есть ли псевдонимъ публициста?—Приведенное мѣсто на стр. 21.

²⁾ Карамзинъ, И. Г. Р. X, 84 (изд. 5-е).

³⁾ Записки о Московіи, стр. 144. Срав. замѣч. Соловьева V, 338 (изд. 4-е).

⁴⁾ Карамзинъ VII, 98.

⁵⁾ Карамзинъ IX, 107—108 и примѣч. 356, гдѣ показаніе Флетчера о 800 тысячахъ погибшихъ въ пожарѣ Москвы, безъ сомнѣнія весьма преувеличенное, отзывающееся, на нашъ взглядъ, просто повтореніемъ цифры Герберштейна о потерѣ плѣнныхъ въ 1521 году, вслѣдствіе или смѣшенія двухъ набѣговъ, или подражанія Герберштейну. Срав. замѣч.

здѣсь мы имѣемъ весьма значительныя преувеличенія со стороны татаръ, слишкомъ похвалявшихся своими успѣхами; положимъ далѣе, что наши и иностранные писатели также слишкомъ увеличиваютъ число плѣнныхъ, отчасти подвляніемъ ужаса, внушеннаго набѣгами крымскихъ татаръ, отчасти съ цѣлю подѣйствовать на общественное мнѣніе современниковъ и правительства,—возбудить ихъ къ болѣе энергичной защитѣ государства; но во всякомъ случаѣ потеря людей въ три названные набѣга крымцевъ была огромная.

Но какъ именно велика была потеря? Чтобы имѣть нѣкоторую возможность судить о надежности цифръ плѣнниковъ, захватываемыхъ татарами, намъ надобно принять во вниманіе количество татарскаго войска, выступавшаго въ набѣги, и нѣкоторыя другія условія набѣговъ.

Однажды крымскій ханъ Саипъ-Гирей писалъ въ Москву на имя малолѣтняго великаго князя Ивана Васильевича (въ 1539 году) между прочимъ слѣдующее: «болѣе ста тысячъ рати у меня есть и возьму медь изъ твоей земли по одной головѣ, сколько твоей землѣ убытку будетъ, и сколько моей казнѣ прибытку»? Такъ рассчитывалъ татаринъ, но, конечно, сильно прихвастывалъ: очень трудно, даже невозможно себя представить, чтобы толпа крымцевъ во сто тысячъ человекъ успѣла забрать равную числомъ толпу русскихъ плѣнныхъ, а потомъ угнать ее, проходя сквозь чужую землю, когда плѣнные, при первомъ благопріятномъ случаѣ, на примѣръ, съ появленіемъ погони въ тылу, могли возстать на своихъ притѣснителей. Даже при самыхъ удачныхъ набѣгахъ, — когда крымцы вторгались неожиданно и цѣлою ордой, когда на обратномъ пути уходили безъ погони, — даже и тогда едва ли они успѣвали уводить среднимъ числомъ «по одной головѣ» на cadaго участника набѣга. Но обратимся къ другимъ даннымъ. Тотъ же Саипъ-Гирей для набѣга 1541 года велъ сто тысячъ войска¹⁾; Девлетъ-Гирей въ обоихъ набѣгахъ 1571 и 1572 годовъ имѣлъ по сто двадцати тысячъ татаръ, а по другимъ источникамъ даже болѣе²⁾. Правда, Михалонъ Литвинъ говоритъ, что въ его время крымскій ханъ имѣлъ войско не болѣе, какъ въ тридцать тысячъ; но другой писатель, почти современный ему, Мартишъ Броневскій, бывшій въ Крыму два раза по-

Соловьева VI, 298. Вообще Флетчеръ и въ главѣ о татарахъ многое преувеличиваетъ: онъ на примѣръ говорить не разъ о *ежегодныхъ* нападеніяхъ татаръ на Московское государство; но это замѣчаніе требуетъ проверки по русскимъ источникамъ. Притомъ вопросъ, какъ понимать эти набѣги: иное дѣло набѣгъ большаго отряда или цѣлой орды, а иное — вторженіе какой нибудь грабительской шайки. Мы пользовались Флетчеромъ во французск. переводѣ: *La Russie au XVI-e siècle, par Fletcher. Leipzig et Paris, 1864, avec une introduction. par Ch. Voigtel.* О ежегодныхъ нападеніяхъ татаръ говор. на стр. 42, 45 и 50, ч. II.

¹⁾ *Карамзинъ* VIII, пр. 82; VIII, 39.

²⁾ *Карамзинъ* IX, 119. *Солов.* VI, 297; 301. Флетчеръ говоритъ о 200 тысячахъ ханскаго войска; II, 42; 45.

сланникомъ отъ Стефана Баторія, сообщаетъ, что тогда ханское войско прости-
ралось до 120-ти или до 130-ти тысячъ и болѣе, включая въ то число вспомо-
гательные отряды татаръ ногайскихъ, очаковскихъ, бѣлгородскихъ, добрудж-
скихъ, а также черкесъ пятигорскихъ¹⁾. По извѣстіямъ автора XVII вѣка,
Боплана, кажется, хорошо знавшаго о нападеніяхъ на Украину татаръ, они
пускались въ набѣгъ отрядами въ 40—50 тысячъ человекъ, а когда пред-
водительствовалъ самъ ханъ, то шло цѣлое войско тысячъ въ 80-ть. Допуская,
что эта толпа татаръ, войдя въ предѣлы Московскаго или Польскаго государ-
ства, не вся пускалась въ разѣзды по странѣ, такъ какъ главная часть
войска, по описанію Боплана, оставалась на одномъ мѣстѣ, образуя центръ и
сборный пунктъ для мелкихъ отрядовъ, разсѣявшихся на грабежъ и добычу;
предполагая далѣе, что на обратномъ пути каждый всадникъ²⁾ успѣвалъ за-
хватить на свою долю по одному плѣннику или плѣнницѣ, мы можемъ заклю-
чить, что при благоприятныхъ условіяхъ, т. е. при нечаянности набѣга на без-
защитныхъ жителей, неуспѣвшихъ скрыться, при отсутствіи погони за граби-
телями и т. п., татары дѣйствительно успѣвали забрать въ плѣнъ не одну
тысячу русскаго народу³⁾. Главное дѣло было именно въ удачѣ набѣга, обу-
словленной разными обстоятельствами, иногда совершенно непредвидѣнными;
количество же войска было второстепеннымъ дѣломъ. Набѣгъ небольшого лег-
каго отряда могъ имѣть сравнительно болѣе успѣхъ, нежели набѣгъ цѣлой
орды, о которомъ въ Москвѣ своевременно узнавали чрезъ пословъ въ Крымъ,
чрезъ станичниковъ и сторожей, державшихъ разѣзды и сторожку въ степи,
обязанныхъ немедленно увѣдомлять воеводъ степныхъ городовъ о движеніяхъ
татаръ: въ столицѣ приготавлились и брали мѣры къ отраженію или преслѣ-
дованію крымцевъ. Гораздо труднѣе было предупредить, а еще труднѣе для
насъ теперь опредѣлить ту мелкую, но постоянную кражу людей на границахъ
и въ степи, которой предавались татары на ряду съ охотой за степными жи-
вотными: эта мелкая, такъ сказать, будничная охота за людьми, далеко не
всегда записанная въ памятникахъ историческихъ, обошлась русскому госу-
дарству конечно не дешевле большихъ набѣговъ крымскихъ.

Въ сущности однако мы лишены возможности провѣрить цифры татарскаго
войска, пускавшагося въ набѣгъ, и цифры плѣнниковъ русскихъ; все, что

¹⁾ Извлеченіе изъ сочин. Михалона, стр. 9.—Описаніе Крыма *Мартина Броневского*,
перев. съ латинскаго Шершеневича въ Запискахъ Одесск. Общ. Истор. и Древн. т. VI,
стр. 364.

²⁾ То есть изъ тѣхъ, которые посылались на разѣзды для грабежа и добычи.

³⁾ *Beschreibung der Ukraine, der Krim und deren Einwohner*, Breslau, 1780,
S. 62—68. Общее число плѣнниковъ въ каждомъ большомъ набѣгѣ Бопланъ опредѣляетъ
не меньше, какъ въ 50-ть тысячъ; въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ о 50—60 тысячахъ наро-
ду, за разъ уводимого татарами; стр. 47.

намъ можно сказать, это — одно неопредѣленное выраженіе, что плѣнниковъ уводилось очень много; но цифры ихъ, приводимыя въ источникахъ, надо считать сильно преувеличенными, а иногда совершенно фантастическими и произвольными.

Въ XVII-мъ вѣкѣ набѣги крымскихъ татаръ на Московскую украину становятся рѣже и малоуспѣшнѣе: постепенное усиленіе колонизаціи въ сторону Сѣверской украины, возникновеніе новыхъ городовъ, линія которыхъ все дальше спускается въ степь, увеличеніе военныхъ силъ государства, улучшеніе развѣдочной и сторожевой службы въ степяхъ и на границѣ¹⁾, — все это были дѣйствительныя средства къ тому, чтобы предупредить или отбить крымскихъ разбойниковъ. Наиболѣе замѣчательнъ былъ набѣгъ крымцевъ 1633 года, имѣвшій немаловажное вліяніе на исходъ смоленской осады: потому что многіе ратные люди, бывшіе у Шеина, разбѣхались изъ-подъ Смоленска, когда узнали, что татары воюютъ ихъ помѣстья и вотчины. Этотъ набѣгъ былъ возбужденъ поляками: «Не спору—говорилъ литовскій канцлеръ Радзивиллъ — не спору, какъ это по богословски хорошо напускать поганцевъ на христіанъ, но по земной политикѣ оно вышло очень хорошо»²⁾. Въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича между московскимъ и польскимъ правительствами поднялась было рѣчь о заключеніи союза противъ крымцевъ, сдѣлавшихъ нападеніе на московскія области въ концѣ 1645 года³⁾, какъ вдругъ поднялось возстаніе Хмѣльницкаго, на первый разъ съ помощью крымскаго хана, совершенно измѣнившее ходъ дѣлъ. Московское государство вступило въ тяжкую, рѣшительную борьбу съ Польшей за Малороссію, гетманы которой постоянно измѣняли царю, увлекаясь то въ польскую сторону, то въ крымскую и турецкую. Никогда Малороссія не испытывала болѣе частыхъ, болѣе опустошительныхъ набѣговъ крымскихъ татаръ, никогда не теряла больше народу, какъ въ эту несчастную пору, когда городъ Чигиринъ, резиденція «турецкаго» гетмана Дорошенки, обратился, по выраженію историка, въ обширный невольничій рынокъ⁴⁾. Отъ 1664 года до насъ дошло нѣсколько любопытныхъ писемъ татарскихъ мурзъ къ ихъ родственникамъ и знакомымъ въ Крыму о счастливомъ для нихъ набѣгѣ въ названномъ году на Малороссію: съ радостью они пишутъ, что такой-то мурза захватилъ себѣ два ясыря, другой — три, иной — четыре, пять, десять, а одинъ мурза даже двадцать человѣкъ ясырей; одинъ пишетъ, что у него «милостью божьей четыре добрыхъ ясырей, да два мерина», другому по-

¹⁾ Объ устройствѣ станичной и сторожевой службы при Грозномъ см. у *Соловьева*, VII, 22—27 и у *Бяляева* въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1846, № 4.

²⁾ *Солов.* IX, 202 (изд. 3-е).

³⁾ Тамъ же, X, 120—129 (изд. 2-е).

⁴⁾ Тамъ же, XII, 180 (изд. 2-е).

пался «ясырь диковинной» и т. д. Вообще изъ писемъ мурзъ видно, что набѣгъ того года былъ для нихъ необыкновенно удачный, что такой большой добычи людьми никогда прежде они не получали ¹⁾. Не разъ и царскіе воеводы терпѣли тяжелыя неудачи, каковы были особенно пораженія Конопское и Чудновское, сопровождавшіяся отводомъ въ крымскій плѣнъ многихъ людей, въ томъ числѣ боярина В. Б. Шереметева, князя Ромодановскаго, и другихъ знатныхъ служилыхъ людей,—или даже избіеніемъ плѣнныхъ, какъ было подъ Конопомъ, гдѣ въ числѣ убитыхъ плѣнниковъ былъ князь С. Р. Пожарскій, сгоряча избравшій крымскаго хана въ глаза жестокой бранью ²⁾. Въ то же время крымскіе татары нападали на Сѣверскую Украину, какъ было въ 1662 году, когда они захватили до 20-ти тысячъ плѣнныхъ; но царскіе воеводы настигли разбойниковъ, отбили обратно всѣхъ плѣнныхъ и сверхъ того взяли много въ плѣнъ самихъ татаръ ³⁾.

Андрусовское перемиріе, потомъ вѣчный миръ съ Польшей 1686 года составляютъ новую эпоху въ отношеніяхъ Московскаго и Польскаго государствъ къ Крыму и Турціи: теперь дѣло пошло къ тому, чтобы общими силами дѣйствовать противъ враговъ христіанства. Правда, походы князя Голицына на Крымъ были неудачны, и ханъ мстилъ за нихъ новыми набѣгами: въ 1688 году, въ промежутокъ перваго и втораго похода, ханъ кидался то на Волынь и Украину, откуда вывелъ до шестидесяти тысячъ народу, то на восточную сторону Днѣпра, проникая тамъ до Полтавы и уводя также значительное количество плѣнныхъ ⁴⁾; тѣмъ не менѣе крымскіе походы кн. Голицына имѣли свое немалое значеніе: они отвлекли крымскихъ татаръ отъ соединенія съ турками, а главное — ясно показали важную перемѣну въ отношеніяхъ къ Крыму: наступленіе вмѣсто обороны. Послѣ крымскихъ походовъ, особенно же послѣ азовскихъ походовъ молодаго Петра и появленія нашего флота на Дону, въ Азовскомъ морѣ и Черномъ, Московское государство принимаетъ рѣшительный тонъ въ переговорахъ съ турками, дѣлаетъ ихъ строго отвѣтственными за набѣги крымцевъ и отказывается отъ всякой дачи имъ поминковъ: «а ханамъ крымскимъ отставлена дача за многія неправды; давалось же имъ жалованье въ тѣ времена, когда Московское государство было не въ такой силѣ, какъ теперь; а нынѣ война татарская не страшна, къ Перекопи и татарскимъ юртамъ войска Царскаго Величества пути познали, — и жалованья впредь въ дачѣ

¹⁾ Акты, относ. въ исторіи Южн. и Запад. Россіи, V, № 103.

²⁾ *Солов.* XI, 59—60; 104—109 (изд. 2-е). Около пяти тысячъ плѣнныхъ, взятыхъ у Конопа, были перерезаны, по предварительному уговору Выговскаго съ ханомъ.

³⁾ Тамъ же, XI, 126.

⁴⁾ *Устряловъ*, Ист. царств. Петра В. I, 214.

не будетъ»¹⁾). Въ царствованіе Анны Ивановны наши уполномоченные для веденія мирныхъ переговоровъ съ турецкими послами заговорили о присоединеніи Брыма къ Россіи²⁾; вопросъ въ этомъ смыслѣ былъ рѣшенъ въ царствованіе Екатерины, послѣдней собирательницы русской земли, смѣлой и счастливой рѣшительницы старыхъ, запутанныхъ политическихъ задачъ. Однако и въ ея славный вѣкъ Южная Россія потерпѣла опустошительный набѣгъ татарскій, — послѣдній набѣгъ крымскихъ татаръ: онъ произошелъ въ январѣ 1769 года, въ началѣ первой турецкой войны, подъ предводительствомъ хана Брымъ-Гирея, котораго провожалъ въ походъ французскій консулъ баронъ Тоттъ, посвятившій въ своихъ мемуарахъ нѣсколько страницъ этому набѣгу. По его словамъ, татары напали тремя арміями: одна въ сорокъ тысячъ была подъ начальствомъ Нуреддина, другая подъ начальствомъ Калги была въ шестьдесятъ тысячъ; третью во сто тысячъ велъ самъ ханъ. Кромѣ собственно крымскихъ татаръ въ набѣгъ принимали участіе ногайскія орды, отрядъ турецкихъ сипаевъ, отрядъ лезгинцевъ и наконецъ козаки некрасовцы, или «игнать-козаки», какъ ихъ звали татары; къ войску были присоединены триста тысячъ лошадей. Главный отрядъ самого хана направился въ Новую Сербію; французскій консулъ былъ при этомъ отрядѣ и видѣлъ все опустошеніе. Онъ хвалитъ личность хана, говоритъ объ отвращеніи его отъ жестокости, о его любознательности и интересѣ къ французской литературѣ; въ одномъ мѣстѣ даже такъ выражается, что идеи, которыя ханъ ему высказывалъ, сдѣлали бы честь самому Монтескье и т. п. Но все это не помѣшало цивилизованному хану, который впрочемъ, кажется, былъ приверженъ болѣе къ французской кухнѣ и винамъ, чѣмъ къ литературѣ, произвести на глазахъ представителя цивилизованной націи опустошеніе Новой Сербіи и набрать полону свыше двадцати тысячъ человѣкъ, по примѣрному опредѣленію консула³⁾.

Уже послѣ присоединенія Брыма, наканунѣ второй турецкой войны, Екатерина въ частномъ разговорѣ съ французскимъ посланникомъ Сегюромъ, укоряя Францію за ея туркофильскую политику, говорила ему между прочимъ такія слова: «что еслибы вы имѣли въ Пьемонтѣ или Испаніи такихъ сосѣдей, которые ежегодно заносили бы къ вамъ чуму и голодъ, истребляли бы у васъ

¹⁾ Тамъ же, III. 280.

²⁾ *Солов.* XX, 130 (конференція въ Немировѣ съ австрійскими и турецкими уполномоченными 1737 года).

³⁾ Записки барона Тотта о татарскомъ набѣгѣ 1769 г. на Новую Сербію въ «Кіев. Старинѣ» 1883, сент. окт. Срав. о количествѣ плѣнныхъ у Соловьева XXVIII, 19, гдѣ оно опредѣляется въ 1800 человѣкъ; но, по словамъ консула, около двухъ тысячъ досталось одному хану, какъ десятая часть, по обычаю на его долю слѣдующая. Срав. любопытное письмо имп. Екатерины о семъ набѣгѣ и другихъ попыткахъ татаръ — къ г-жѣ Вельке: *Соловьевъ* XXVIII, 55.

и забирали въ плѣнъ по двадцать тысячъ человекъ ежегодно, а я взяла бы ихъ подъ свое покровительство, что бы вы тогда сказали? О, какъ вы стали бы тогда упрекать меня въ варварствѣ! ¹⁾ Во столько императрица опредѣляла ежегодную потерю людей въ Крымъ и Турцію! Повидимому, кража русскихъ людей и продажа въ Турцію изъ крымскихъ и турецкихъ городовъ Черноморья по прежнему продолжались и послѣ присоединенія Крыма. Въ отвѣтъ французскій посланникъ высказывалъ общія замѣчанія, вродѣ «поддержанія политическаго равновѣсія въ Европѣ»; но въ своихъ запискахъ онъ болѣе искренно прибавляетъ, что лично ему кажется постыдною эта ложная и близорукая политика, по которой сильныя державы вступаютъ въ союзъ и дѣлаются почти данниками грубыхъ мавровъ, алжирцевъ, аравитянъ и турокъ ²⁾. Императрица Екатерина, по всей вѣроятности, намекала на этотъ фактъ данничества европейскихъ государствъ туркамъ и алжирскимъ пиратамъ, что было въ полной силѣ и въ XVIII вѣкѣ. Въ интересной статьѣ французскаго ученаго, г. Граммона объ алжирской неволѣ, которая нынѣ начинается печатаніемъ, приводятся любопытные факты, представляющіе большую аналогію съ нашими отношеніями къ Крыму и Турціи. По словамъ автора, «Смертельный ударъ варварійскому пиратству нанесло прекращеніе борьбы между Франціей и Испаніей: ибо прежде Франція закрывала глаза на варварійскія грабительства, нимало не заботилась объ ихъ прекращеніи, очень хорошо сознавая ихъ пользу для себя; она смотрѣла на нихъ какъ на постоянную рану, обезсиливавшую соперницу ея, Испанію ³⁾. Менѣе сильныя государства были принуждены платить подать варварійскимъ владѣтелямъ, особенно алжирскому бею, чтобы обезопасить свою торговлю на Средиземномъ морѣ; первый примѣръ къ тому дала Голландія, за ней послѣдовали Швеція, Данія, Ганзейскіе города и мелкія государства южной Европы; другихъ средствъ сдержать варварійскихъ пиратовъ не было; лучше было заплатить имъ страховыя деньги, нежели все потерять. Хуже всего было то, что эту подать или подарки (donatives) европейцы выплачивали такими произведеніями своей промышленности, какъ пушки, ружья, сабли, порохъ, пули и ядра, т. е. давали сами на себя же оружіе. Что касается потери людей въ варварійскій плѣнъ, то она была огромная: по расчету одного французскаго писателя XVII-го вѣка, за первое только тридцатилѣтіе того вѣка, варварійскіе пираты захватили болѣе милліона народу (на счетъ цифры мы и здѣсь позволимъ себѣ выразить сомнѣніе). «Нельзя удер-

¹⁾ Записки графа *Севора* о пребыв. его въ Россіи въ царств. Екатерины II, перев. съ франц. Спб. 1865, стр. 141—145.

²⁾ Тамъ же, 145.

³⁾ *Revue historique*, 1884, mai—juin: La course, l'esclavage et la redemption à Alger, par m-r H. de Grammont, pag. 16.

жаться отъ скорби, замѣчаетъ г. Грамонъ, при мысли объ этихъ несчастныхъ плѣнникахъ, и въ то же время нельзя не подивиться живучести тѣхъ народовъ, которые терпѣли отъ пиратовъ такіа испытанія¹⁾. Съ своей стороны мы прибавимъ, что русское и все вообще славянское племя выказало еще больше этой живучести и терпѣнія, имѣя линію сопряженія съ мусульманскимъ міромъ еще большую, чѣмъ народы европейскіе²⁾, находясь съ нимъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ, выдерживая первые удары татаръ и турокъ, ежедневно теряя въ ихъ пользу свой трудъ и работниковъ. Нельзя не замѣтить и той еще разницы, что когда Россія, въ XVIII вѣкѣ, стала энергично наступать на Крымъ и Турцію, поднимая знамя освобожденія христіанъ изъ бусурманской неволи, то европейскія государства для поддержки будто бы «политическаго равновѣсія» стали покровительствовать Турціи и даже возбудили ее къ войнѣ противъ Россіи за присоединеніе Крыма.

Но возвратимся еще разъ къ крымскимъ набѣгамъ прежнихъ вѣковъ, представимъ нѣкоторыя подробности ихъ.

Изъ описанія сихъ набѣговъ у разныхъ авторовъ, каковы Михалонъ Литвинъ, Боплявъ и другіе, видно, что они имѣли характеръ разбоевъ въ большихъ размѣрахъ: это не были военные походы въ собственномъ смыслѣ слова, предупреждаемые объявленіемъ войны чрезъ своихъ или чужихъ пословъ. Напротивъ, такъ какъ они имѣли цѣлью кражу людей и грабежъ добычи, то предпринимались втихомолку, нечаянно, съ обманомъ и хитростями: «царемъ бусурманскимъ есть обычай издавна инуды лукъ потянуть, а инуды стрѣлять», выражается одинъ изъ нашихъ наблюдателей сихъ набѣговъ, не разъ мужественно бившійся съ крымцами и въ своихъ запискахъ давшій интересное описаніе нѣкоторыхъ набѣговъ ихъ³⁾. Чтобы сдѣлать набѣгъ на Польшу, крымскій ханъ долженъ былъ спрашивать позволенія у султана⁴⁾, быть можетъ отчасти потому, что Польша платила болѣе щедро и болѣе исправно поминки; но такого позволенія не требовалось относительно нападенія на московскую Украину: Московское государство стояло такимъ образомъ какъ бы внѣ мусульманскихъ законовъ. Свои нападенія татары обыкновенно направляли мимо народовъ, осада которыхъ долго бы стала ихъ задерживать, что не входило въ ихъ

¹⁾ Въ статьѣ того же автора на стр. 26 и др.

²⁾ На восточной границѣ также происходила кража русскаго народу и продажа его въ среднеазиатскія ханства; вспомнимъ для примѣра, что въ царствованіе Анны Ивановны посланный къ башкирамъ выручать русскихъ плѣнныхъ графъ Головкинъ дѣйствительно успѣлъ освободить ихъ 20 ть тысячъ семействъ; и послѣ того башкиры продавали русскій полонъ въ Среднюю Азію, особенно хану Бухарскому, который держалъ у себя гвардію изъ трехъ тысячъ русскихъ: *Солов.* XX, 412.

³⁾ Курбскій, Сказанія, стр. 12—15; 49—53.

⁴⁾ Брошевскій, 359. Боплявъ, 61.

планъ; да осада городовъ обыкновенно имъ и не удавалась¹⁾. Они нападали на сельскій народъ: «ночью старались обложить селеніе, раскладывали по всѣмъ его сторонамъ огонь, дабы никто изъ жителей не могъ убѣжать; раннимъ утромъ начинали грабить и зажигать зданія, убивать тѣхъ, кто оказывалъ сопротивление; всѣхъ прочихъ, мужчинъ и женщинъ съ грудными дѣтьми, забирали вмѣстѣ съ домашнимъ скотомъ, за исключеніемъ свиней, которыхъ согнали въ сарай или другое огороженное мѣсто и сожигали»²⁾. Лѣтнею порой татары нерѣдко хватали народъ прямо на полѣ за работой: что иѣкогда говорилъ Владиміръ Мономахъ о половцахъ, которые наѣзжали на кievскихъ смердовъ, пашущихъ въ полѣ, и убивали ихъ, а женъ и дѣтей съ домашнимъ скотомъ угоняли въ плѣнъ, то самое цѣлое вѣка продолжалось на Украинѣ при нападеніяхъ крымскихъ татаръ³⁾. Въ походъ татары запасались большимъ количествомъ лошадей, чтобы лучше убѣжать въ случаѣ преслѣдованія и удобнѣе увезти добычу: 80-ти тысячное войско татаръ, по словамъ Боплана, гнало съ собой до 200 тысячъ лошадей; лошади были нужны отчасти на пропитаніе самихъ татаръ, любимую пищу которыхъ служила конина. Для ухода за лошадьми брались погонщики, которые хотя не были вооружены, но конечно помогали забирать, связывать и гнать плѣнный народъ и скотъ; запасались также ремнями и веревками для связыванья плѣнныхъ, плетями—для погонки ихъ⁴⁾. Малорусское народное преданіе сохранило память объ одномъ способѣ, употреблявшемся татарами при захватѣ людей: «бывало — говорить

¹⁾ Такъ, въ 1521 году Махметъ-Гирей былъ отбитъ отъ Рязани воеводой Хабаромъ Симскимъ; въ 1542 году Саипъ-Гирей не могъ взять Пронска; въ 1552 году Девлетъ-Гирей не успѣлъ овладѣть Тулой, не смотря на храбрые приступы янычаръ и турецкую артиллерію; тотъ же ханъ въ 1554 г. безуспѣшно приступалъ къ Рязани, обороняемой мужественными Басмановыми; въ 1591 году Казы-Гирей былъ отбитъ отъ Москвы.— Герберштейнъ въ свое время замѣтилъ про крымскихъ татаръ, что они рѣдко осаждаютъ города и крѣпости: *Опис. Москов.* стр. 138.

²⁾ Бопланъ, 65. Флетчеръ съ своей стороны замѣчаетъ: «украинскіе русскіе, въ ожиданіи каждое лѣто набѣговъ татарскихъ, не держатъ никакого скота, кромѣ свиней: ибо татары, будучи вѣры турецкой, не ѣдятъ свинины, а потому не касаются этихъ животныхъ, оставляя ихъ жителямъ»: *La Russie au XVI-e siècle*, II, 50.

³⁾ Лѣтопись по Лавр. сп. стр. 267, о долобскомъ съездѣ князей 1103 года. Припомнимъ кстати, что въ начальной лѣтописи впервые нарисована яркая картина увода въ плѣнъ народу степняками, половцами: см. событія подъ 1093 годомъ, на стр. 215—217.—Флетчеръ говоритъ, что татары дѣлали нападенія иной разъ около Троицы, но чаще во время жатвы: II, стр. 45.

⁴⁾ Герберштейнъ, стр. 136—138. Михалонъ Литвинъ, стр. 9—13; 55. Броневскій, 360—365. Флетчеръ, II 50. Бопланъ, 61—77. Крижаничъ, Русское государство, раздѣлъ 52 «Объ татарахъ», стр. 123—126.

оно—татаринъ навяжетъ людей за руки къ жерди, да такъ и гонить»¹⁾; но случалось, что плѣнники порвутъ ремень (сирицю) или инымъ способомъ освободятъ свои руки, бросятся на татаръ и побьютъ ихъ. Плѣнниковъ татары забирали на обратномъ пути, чтобы не затрудняться движеніемъ впередъ внутрь страны; въ концѣ похода, при роздыхѣ, еще до возвращенія въ Крымъ происходила дѣлежка людей и всякой добычи: десятая часть ея, въ томъ числѣ отборные плѣнники, назначалась хану; остальныхъ дѣлили межъ собой мурзы и рядовые татары. «Самое жестокое сердце тронулось бы—говорить Бопланъ—при видѣ, какъ татары разлучаютъ мужа съ женой, мать съ дочерью, безъ надежды когда нибудь снова имъ увидѣться; самый хладнокровный человѣкъ пришелъ бы въ содраганіе, слыша дикое веселье татаръ, плачь и вой несчастныхъ русскихъ»²⁾. Тутъ же происходила запродажа нѣкоторой части полону другъ другу и разныя сдѣлки на счетъ его, послѣ чего одни плѣнники направлялись въ Константинополь, другіе въ Анатолю, иные въ Крымъ, куда возвращалось и все войско.

II.

Положеніе русскихъ плѣнниковъ въ Крыму, отнынѣ большею частію невольниковъ, было тяжелое. Не говоря о самомъ дурномъ содержаніи ихъ пищею и питьемъ, одеждой и жилищемъ, ихъ предавали изнурительнымъ работамъ и истязаніямъ: по словамъ Михалона Литвина, болѣе сильныхъ невольниковъ дѣлали кастратами, инымъ рѣзали ноздри и уши, клеймили на лбу и щекахъ; днемъ мучили на работѣ скованными, а ночью держали въ темницѣ и т. д.³⁾. Пусть названный авторъ любитъ употреблять слишкомъ яркія краски; но несомнѣнно, крымская неволя была дѣйствительно тяжела для русскихъ плѣнныхъ. Но еще тяжелѣе становилось ихъ положеніе, когда они попадали на турецкія галеры или каторги: прикованные цѣпями къ скамейкамъ, они тяжелыми веслами приводили въ движеніе галеру, вдоль которой расхаживалъ надзиратель, ключникъ галерскій, нерѣдко ренегатъ, или, какъ мѣтко называетъ его народная дума, «недовѣрокъ христіанскій», ударами бича возбуждавшій послѣднія силы невольниковъ⁴⁾. Для галернаго турецкаго флота невольники со-

¹⁾ Записки о Южной Руси II. *Кумиса* I, стр. 5—6.

²⁾ Бопланъ, стр. 68—69. О десятинахъ всего количества плѣнныхъ въ пользу хана—у Броневскаго, стр. 362. Срав. также Описаніе перекопскихъ и ногайскихъ татаръ *Жана де Люка* въ Запискахъ Одес. Общ. Исторіи и Древностей, томъ XI, стр. 482. Срав. выше стран. 10, примѣч. 3-е, о набѣгѣ 1769 года.

³⁾ О правахъ татаръ, стр. 20. Срав. у Броневскаго на стр. 363.

⁴⁾ Чит. думу «О побѣгѣ Самуила Копки изъ турецкой неволи» въ изданіи гг. *Антоновича* и *Драгоманова*, Историч. пѣсни малорусскаго народа, т. I, стр. 208—220. (Кіевъ, 1874),—одна изъ лучшихъ малорусскихъ думъ, цѣлая невольничья поэма. Какъ эта, такъ и прочія думы обставлены въ семъ изданіи цѣнными историческими примѣчаніями.

ставляли живую силу, замѣнявшую парь современныхъ флотовъ... Вотъ почему русскіе плѣнники находили скорый сбытъ изъ Крыма въ Турцію: иначе Крымъ переполнился бы ими очень скоро.

Главный рынокъ невольниковъ русскихъ въ Турціи былъ Константинополь, гдѣ издавна, еще со временъ кievской Руси Олега и Игоря, продавались русскіе рабы¹⁾. Въ турецкую пору, по словамъ грековъ, къ Константинополю иногда приставали по три, по четыре корабля ежедневно, наполненные русскими невольниками; на торговыхъ площадяхъ города стояли священники и монахи, юноши и дѣвицы, которыхъ толпами отвозили въ Египетъ на продажу²⁾. Въ 1578 году венеціанскій посланникъ Джіованни Карраро доносилъ, что въ Константинополь турки, евреи и христіане совѣмъ не имѣютъ наемной прислуги, а только рабовъ и рабынь, что потребность въ рабахъ удовлетворяютъ преимущественно татары, которые ходятъ на охоту за людьми въ области польскую и московскую, да въ землю черкесовъ: захваченную добычу они привозятъ въ Кафу, гдѣ она продается тамошнимъ купцамъ, а за тѣмъ перевозится въ Константинополь, въ которомъ есть постоянно полный базаръ невольниковъ, рядомъ съ базарами всякаго рода скота; сверхъ того безчисленное множество плѣнниковъ проводятъ мимо города въ Анатолю, гдѣ ихъ заставляютъ заниматься земледѣліемъ и другими работами въ пользу турокъ³⁾. Въ 1655 году цезарскій посланникъ Аллегретти, бывшій прежде посломъ испанскаго короля въ Турціи, а теперь находившійся въ Москвѣ, также говорилъ о множествѣ русскихъ и поляковъ, продаваемыхъ въ Царьградѣ татарами; на это московскіе приставы отвѣчали ему между прочимъ, что вѣдь крымскіе татары берутъ много людей и изъ нѣмецкихъ государствъ, которыхъ также продаютъ въ работы и на каторги⁴⁾. Возраженіе отчасти справедливое.

Часть плѣнниковъ и плѣнницъ ежегодно посылалась изъ Крыма султану въ видѣ нѣкоторой дани ему; сверхъ того султанъ посылалъ въ Крымъ подарки отъ себя, прося за нихъ лишняго количества рабовъ⁵⁾. Иногда онъ настоятельно требовалъ присылки русскихъ невольниковъ на свои галеры, въ виду особенныхъ нуждъ: такъ въ 1646 году султанъ Ибрагимъ, приказавши сдѣлать сто новыхъ каторгъ, послалъ къ крымскому хану гонца съ грамотой, чтобы тотъ шелъ немедленно на Московское и Польское государства набрать

¹⁾ См. договоры ихъ съ греками въ лѣтописи. О древности невольничьяго базара въ Царьградѣ срав. у Соловьева I, прим. 397.

²⁾ *Солов.* Исторія Р. XI, 290.

³⁾ Это любопытное донесеніе венеціанскаго посланника см. въ новомъ изданіи *В. И. Ламанскаго*, *Secrets d'état de Venise, St.-Pétersbourg 1884, pag. 380—383.*

⁴⁾ *Солов.* X, 349.

⁵⁾ Броневскій, 359. Жванъ де Люкъ, *Опис. перекоп. и ногайск. татаръ*, стр. 484.

полону на новыя его каторги; султанъ спѣшилъ тогда выручить свое войско, осажденное венеціанцами на Критѣ¹⁾. Подобныя требованія султана были очень непріятны крымскимъ татарамъ, видѣвшимъ въ нихъ, быть можетъ, наиболѣе тяжелую сторону своей зависимости отъ Турціи; иногда татары выказывали открытое неповиновеніе своимъ ханамъ, если тѣ намѣревались исполнять требованія изъ Константинополя на счетъ плѣнниковъ слишкомъ съ большимъ усердіемъ: ибо въ такомъ случаѣ производился наборъ плѣнниками съ частныхъ лицъ, интересъ коихъ былъ въ томъ, чтобы получить за раба выкупъ или продажную цѣну²⁾. Въ этомъ отношеніи любопытны крымскія происшествія 1666 года, какъ о нихъ рассказывали въ Малороссіи и въ Москвѣ наши выходцы изъ крымской неволи. Въ этотъ годъ султанъ рѣшилъ прислать въ Крымъ новаго хана; заслыша о его приближеніи, прежній ханъ съ Калгой и Нуррединоу, съ преданными татарами числомъ до 25-ти тысячъ, ушелъ черезъ Перекопъ въ область Запорожскую, захватя съ собой и знатнаго плѣнника, боярина В. Б. Шереметьева, вслѣдъ за тѣмъ прибылъ новый крымскій ханъ, который послѣдилъ отплатить султану за его благодѣяніе,—началъ набирать ему въ Крыму плѣнниковъ, хотѣлъ набрать ихъ 20 тысячъ. Но это намѣреніе его произвело открытый бунтъ среди татаръ: они не давали плѣнниковъ, грозили свергнуть самого хана; дѣло кончилось тѣмъ, что новый ханъ бѣжалъ сначала въ Кафу, а потомъ въ Константинополь. По показанію другаго выходца, ханъ началъ требовать въ свою казну особаго сбора, именно по десяти копѣ съ каждаго плѣнника; но орда грозила убить его за такой новый налогъ³⁾. И позже Крымъ волновался вопросомъ на счетъ плѣнниковъ: ханы смотрѣли на нихъ, какъ на свою собственность, или по крайней мѣрѣ какъ на казенную собственность; татары же утверждали, что ханъ не воленъ отбирать у нихъ ясырь: «то имъ дано за службу, за кровь и за смерть: кто что возьметъ на войнѣ, тѣмъ онъ и живетъ»⁴⁾.

Но и сверхъ продажи невольниковъ въ Турцію, сверхъ послышки ихъ султану, въ Крыму въ любое время не было въ нихъ недостатка. Купцы разныхъ народностей занимались тамъ невольничьей торговлей, какъ-то: евреи, армяне, турки и греки. Главными невольничьими рынками были Кафа, Карасубазаръ, Евпаторія и Бахчисарай, особенно-же первый изъ названныхъ городовъ, по выраженію Михалона Литвина, «не городъ, а пучина поглощающая нашу кровь». Корабли, приходящіе изъ Азіи съ разными товарами, отходятъ изъ Крыма на

¹⁾ Солов. X, 121—122.

²⁾ Тамъ же XII, 83.

³⁾ Акты, относ. къ истор. южн. и зап. Россіи, VI, № 51, — показанія боярскихъ дѣтей Аристова и Долгова.

⁴⁾ Солов. XII, 82.

груженные рабами, замѣчаетъ тотъ-же авторъ. Такъ какъ невольники представляли ходкій товаръ, во всякое время удобный для внѣшняго сбыта, то естественно, что и внутри Крыма они шли въ оборотъ для разнообразныхъ сдѣлокъ: «всѣ крымскіе рынки знамениты только этимъ товаромъ, который у татаръ всегда подъ руками и для продажи, и для залога, и для подарковъ, какъ будто люди нашей породы были у нихъ всего на задворьяхъ». Далѣе Михалонъ вдается въ подробности на счетъ аукціона, съ котораго рабы продавались скованными по десятку за шею, причемъ будто-бы продавцы выхваляли польскихъ плѣнныхъ предъ московскими, — потому что московское племя считается де у нихъ дешевымъ, какъ коварное и обманчивое, — о перепродажѣ ихъ отдаленнымъ народамъ: саррацинамъ, сирийцамъ и пр. Рѣчь, которую авторъ влагааетъ въ уста одного плѣнника, имѣющаго отъѣхать за море, хотя отзывается нѣкоторою искусственностью, не лишена однако горькой правды и энергіи выраженія¹⁾.

Нѣкоторая, конечно, меньшая часть русскихъ невольниковъ навсегда оставалась въ Крыму въ услуженіи у своихъ хозяевъ, не будучи проданной за море и не отпущенной на выкупъ. Разные источники говорятъ, что крымскіе татары, при всемъ ихъ хищническомъ образѣ жизни и отвращеніи къ законному труду, не вовсе пренебрегали земледѣліемъ и нѣкоторыми промыслами, употребляя на обработку земли плѣнныхъ русскихъ, поляковъ, венгерцевъ и молдаванъ. Всѣ купцы и ремесленники, находящіеся въ Крыму, по словамъ Броневскаго, были также либо христіанскіе невольники, либо турки, армяне, евреи, пятигорскіе черкесы и цыгане. Простые невольники несли всякую хозяйственную службу, рыли колодцы, добывали соль, собирали въ степи навозъ; невольницы, судя по народнымъ о нихъ пѣснямъ, несли болѣе легкія домашнія работы: пряли шерсть и ленъ, пасли дворовую птицу, ухаживали за дѣтьми и т. п.²⁾ Нѣкоторые, вѣроятно, болѣе знатные по происхожденію плѣнники, оставаясь въ Крыму продолжительное время, получали, кажется, земельные надѣлы: такъ можно думать на основаніи словъ Броневскаго, который говоритъ, что ханъ ежегодно взималъ отъ знатнѣйшихъ военноплѣнныхъ по три золотыхъ монеты, отъ менѣе знатныхъ — по одному талеру и десятую часть ихъ дохода³⁾. Да и про-

¹⁾ О нравахъ татаръ, стр. 21—27. О Каѣѣ сказано: «non urbs, sed vorago sanguinis potri». По замѣчанію Боплана, въ Каѣѣ въ его время жило въ постоянномъ услуженіи у своихъ господъ до 30-ти тысячъ рабовъ: стр. 50—51. Срав. въ описаніи Жана де Люка, стр. 482.

²⁾ Броневскій 345, особ. 356—357 стр. Срав. у Михалона, О нравахъ татаръ, 13—15, у Жана де Люка, Описаніе перекоп. и ногайск. татаръ, стр. 477. Пѣсни, собр. П. Киртневскимъ, изд. Общ. любит. рос. словесн. вып. VII, 56 и Прилож. стр. 188—213.

³⁾ Броневскій, стр. 359.

стые русскіе плѣнники садились на землю и такъ привыкали къ ней, что наконецъ отлагали заботу о возвращеніи на родину; вѣроятно, это были тѣ плѣнники по преимуществу, которые получили нѣкоторое облегченіе неволи, или почти полное отъ нея освобожденіе послѣ извѣстнаго срока: Герберштейнъ говоритъ, что проданные въ рабство, по истеченіи шести лѣтъ, становятся свободными, хотя не смѣютъ уйти изъ страны; Михалонъ Литвинъ также сообщаетъ, что рабовъ, приобрѣтенныхъ войною или куплей, татары не держатъ въ рабствѣ дольше семи лѣтъ; по словамъ Дж. Карраро, константинопольскіе христіане также отпускали своихъ рабовъ на свободу по истеченіи семи лѣтъ, если только раньше они не дѣлались жертвой чумы, постоянно свирѣпствовавшей въ Константинополѣ¹⁾. Такъ или иначе, кто бы ни были эти осѣдлые плѣнники, относительно ихъ мы имѣемъ указанія, что они иногда вполне обживались въ Крыму, вполне свыкались со своимъ положеніемъ. Въ лѣтописи Самуила Величкіи подъ 1675 годомъ находимъ любопытный разсказъ о вторженіи запорожскаго кошеваго Сѣрко въ Крымъ. Знаменитый воинъ вывелъ на этотъ разъ до семи тысячъ плѣнныхъ христіанъ, но, какъ видно, не всѣ изъ нихъ охотно послѣдовали за нимъ, потому что когда Сѣрко, замѣтя такое настроеніе ихъ, началъ ихъ испытывать, предлагая на ихъ волю или воротиться въ Крымъ, или съ нимъ оставаться, то дѣйствительно три тысячи христіанъ и тумовъ, отъ христіанъ въ Крыму родившихся²⁾, пожелали вернуться обратно: они говорили, что въ Крыму они имѣютъ осѣдность и имущество, а потому лучше желаютъ вернуться туда, чѣмъ быть на Руси, ничего не имѣя. Однако они не успѣли воротиться: ибо когда пустились было въ дорогу, суровый Сѣрко приказалъ своимъ запорожцамъ догнать ихъ и перебить всѣхъ до послѣдняго... Затѣмъ лично убѣдясь въ исполненіи приказа, Сѣрко промолвилъ надъ ихъ трупами слѣдующія слова: «простите насъ, братья, да лучше спите здѣсь до страшнаго суда Господня, чѣмъ было вамъ между бусурманами размножаться на наши головы христіанскія, молодецкія, да на свою вѣчную погибель, безъ крещенія»³⁾. Несомнѣнно, что примѣры подобной натурализаціи русскіихъ плѣнниковъ въ Крыму были нерѣдки; если не съ перваго разу, то во второмъ, третьемъ поколѣніи многіе изъ нихъ забывали вѣру и языкъ отцовъ, а съ принятіемъ мусульманства, вѣроятно, приравнивались къ остальной массѣ татаръ. Во всякомъ случаѣ обращеніе въ мусульманство облегчало судьбу

¹⁾ Записки о Московіи, 144. О нравахъ татаръ стр. 47. *Secrets d'état de Venise*, pag. 381.

²⁾ О значеніи слова «тума» см. замѣтку г. *Потебни* въ Русск. Филолог. Вѣстн. т. II, стр. 242—251.

³⁾ Лѣтопись Самуила Величкіи, изд. вренен. комис. для разбора древн. актовъ томъ II, 376—377.

плѣнныхъ, если не тотчасъ дѣлало ихъ свободными. Доминиканскій монахъ Жанъ-де-Люкъ, бывшій въ Крыму въ первой половинѣ XVII-го вѣка, говоритъ въ описаніи своего путешествія, что татары стараются принудить своихъ рабовъ принять магометанство, обѣщая подъ этимъ условіемъ свободу, чѣмъ нѣкоторыхъ и совращаютъ¹⁾. Впрочемъ, особой ревности къ обращенію невольниковъ въ магометанство не замѣтно у крымскихъ татаръ. Многіе изъ плѣнныхъ христіанъ, жившихъ въ городахъ крымскихъ, имѣли нѣкоторую свободу вѣроисповѣданія, тѣмъ болѣе, что слѣды христіанства никогда не были окончательно сглажены въ Крыму, гдѣ не переставали жить греки, генуэзцы и другіе христіане. Съ другой стороны, вновь прибывавшіе изъ Руси плѣнники значительно усиливали христіанскій элементъ въ Крыму и Турціи, поддерживали христіанскія святыни, сберегали остатки церквей, иконостасы, мощи святыхъ и пр. Нѣкоторыя христіанскія святыни, какъ напримѣръ, древняя икона Богоматери въ Бахчисараѣ, пользовались почитаніемъ самыхъ мусульманъ²⁾. Временно проживавшіе въ Крыму московскіе и польскіе послы и разные христіане изъ пріѣзжихъ содѣйствовали той-же цѣли поддержки христіанства³⁾. Но надо

¹⁾ Опис. стр. 482.

²⁾ Очень любопытную легенду о сей иконѣ сообщаетъ одинъ французскій авторъ XVI-го вѣка въ сочиненіи «La description du royaume de Pologne et pays adjacens», par *Blaise de Vigner*, Paris, 1573; отрывокъ изъ книги, содержащій сію легенду, перепечатанъ въ книгѣ *И. Кумиса*, Истор. возсоединенія Руси, II, Приложение. Явленіе иконы, по преданію, относится ко временамъ Хаджи-Гирея, отца Менглигереева: въ то время въ крымскихъ горахъ поселился змѣй, все пожиравшій; греки и генуэзцы обратились тогда къ заступленію Богородицы и были спасены Ею: въ одинъ день они увидели чудовищнаго змѣя издохшимъ и поверженнымъ предъ иконою Пресвятой Дѣвы, явившеюся на высокомъ утесѣ. Преданіе прибавляетъ, что сію икону чтить самъ Хаджи-Гирей, ставившій предъ нею свѣчи на счетъ военной добычи: стр. 452—453. То же сказаніе передаетъ нашъ священникъ Андрей *Лызловъ*, авторъ сибирской исторіи: въ Москвѣ знали объ этой иконѣ, вѣроятно, по рассказамъ пословъ. Такъ, напримѣръ, *Тяпкинъ* и *Зотовъ*, заключившіе бахчисарайскій договоръ 1681 года, по окончаніи посольскаго дѣла заѣзжали въ предмѣстье Бахчисарая на поклоненіе иконѣ Богоматери. См. статейный ихъ списокъ 1681 года, одинъ изъ самыхъ любопытныхъ памятниковъ нашихъ сношеній съ Крымомъ, въ Запискахъ Одес. Общ. Ист. и Древн. II, 568—658.

³⁾ См., напримѣръ, «Повѣсть извѣстна и удивленія достойна о мощахъ невѣдомаго святаго, списанную многогрѣшнымъ попомъ Іаковомъ», въ Запискахъ Одес. Общ. Ист. и Древн. т. II, 685—692. Священникъ Іаковъ былъ въ Крыму съ посланникомъ Дворяниновымъ въ 1634: онъ много разспрашивалъ о святыняхъ Инкермана, особенно о мощахъ невѣдомаго по имени святаго, у тутошнихъ грековъ и русскихъ полоняниковъ. Кстати—о полоняникахъ: двое изъ нихъ названы въ сказаніи Іакова; первый—Максимъ Ивановъ, родомъ Новосилецъ, жившій въ плѣну 32 года, другой—Василій Хромой, родомъ бѣлоруссъ, жившій въ Инкерманѣ уже сорокъ лѣтъ: Сказ. стр. 689. — Посолъ Броневакскій также много интересовался у грековъ на счетъ древностей и святынь Крыма, многимъ обязанъ имъ за свое интересное описаніе: не разъ онъ ссылается на рассказы грековъ, какъ напримѣръ на стр. 312—314; 317. Глава объ Инкерманѣ и его древностяхъ особенно хороша у него.

также признаться, что бывали случаи добровольнаго обращенія въ мусульманство русскихъ людей въ Крыму. Такъ, человекъ боярина В. Б. Шереметева добровольно обусурманился, чтобы стать толмачемъ при ханскомъ дворѣ¹⁾. По показанію бывшаго крымскаго плѣнника, Ивана Глистина, данному имъ въ Москвѣ, въ 1689 году, въ ханскомъ войскѣ было нѣсколько нашихъ измѣнниковъ, которые за годъ предъ тѣмъ бѣжали съ Дону и обусурманились: быть можетъ, часть вины за неуспѣшность крымскихъ походовъ кн. Голицына лежитъ именно на этихъ русскихъ измѣнникахъ. И когда Голицынъ, во второй свой походъ, сталъ договариваться о выдачѣ всѣхъ нашихъ плѣнныхъ, то получилъ отвѣтъ, что ханъ не можетъ освободить ихъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ обусурманились, «и оттого имъ стало сытно»²⁾. Проверить такой отвѣтъ было трудно, но предлогъ былъ очень благовидный, возразить противъ котораго было нечего; да и въ самомъ дѣлѣ отступникамъ могло быть «сытно», особенно на первое время. . . Наконецъ, въ Крыму находили себѣ временное пристанище такіе проходимцы, какъ Волотниковъ, взятый въ плѣнъ татарами, затѣмъ проданный въ Константинополь, тамъ выкупленный нѣмцами, послѣ проживавшій въ Венеціи и наконецъ воротившійся домой, чтобы сыграть свою темную роль въ событіяхъ Смутаго времени³⁾, или какъ казакъ Вергунонокъ, игравшій роль московскаго царевича: съ Дону онъ попалъ въ плѣнъ къ татарамъ, которые продали его въ Кафу къ одному еврею; тутъ казакъ назвался царевичемъ, хозяинъ и другіе русскіе плѣнники повѣрили ему, стали почитать его, носили ему пить и ѣсть; но скоро о самозванцѣ узналъ самъ ханъ, приказавшій перевести его въ Старый Крымъ и крѣпко тамъ стеречь; послѣ самозванецъ былъ пересланъ въ Константинополь, гдѣ ѣ посаженъ въ заключеніе⁴⁾. Такъ разнообразны были элементы русскіе въ Крыму! Можно сказать, что онъ во всякое время былъ на половину русскою землею, политою русской кровью и потомъ, ареною дѣятельности для разныхъ подозрительныхъ людей, а иногда такихъ лицъ, какъ Богданъ Хмѣльницкій, возставшій противъ Польши съ помощью крымскаго хана.

Что касается плѣнницъ, то нѣкоторыя изъ нихъ достигали важнаго положенія: красивѣйшія, принимая мусульманство становились женами и господами дома. Не говоря о такихъ плѣнницахъ, которыя бывали женами султановъ и хановъ⁵⁾, обратимъ вниманіе на то, что говоритъ Михалонъ вообще о плѣн-

¹⁾ Статейный списокъ Тяпкина и Зотова, стр. 616.

²⁾ *Устряловъ*, Истор. царств. Петра В. I, 234—235.

³⁾ *Карамзинъ*, XII, 19.

⁴⁾ *Соловьевъ*, X, 115—118.

⁵⁾ Замѣчанія по сему предмету можно найти въ упомянутомъ изданіи «Историч. пѣсенъ малорусскаго народа» I, стр. 236—237.

ницахъ славянскаго происхожденія среди восточныхъ жителей: «всѣ они, т. е. восточные жители, съ жадностью ищутъ себѣ въ жены плѣнницъ; у нынѣшняго турецкаго султана любимая его супруга, мать его первенца и наследника, похищена изъ нашей земли; перекопскій ханъ Саипъ-Гирей родился отъ христіанки и женатъ на христіанкѣ; всѣ министры этихъ тирановъ, внуки, секретари и прочіе чиновники, ихъ особое войско, называемое янычары, — всѣ происходятъ отъ нашей крови»¹⁾. Если не всѣ, а даже часть высшаго класса въ Турціи и Крыму происходила отъ женщинъ славянскаго племени, то и въ такомъ случаѣ мы должны признать великую важность христіанскаго женскаго элемента въ Турціи, этомъ хищномъ, во всѣхъ отношеніяхъ чужеядномъ царствѣ; чрезъ этотъ женскій элементъ мусульманство количественно и качественно усиливалось, такъ какъ ренегатки вливали въ него свѣжую кровь и вносили ревностный духъ. Народныя пѣсни великорусскія и малорусскія въ живыхъ чертахъ изображаютъ типъ плѣнницы и ея судьбу. Вспомнимъ для примѣра богуславскую поповну Марусю, которая обусурманилась, стала женою паши, но еще не до конца заглушила въ себѣ чувства, вѣдренныя родиной: въ день христіанской пасхи она освободила изъ тюрьмы, тайно отъ мужа, нѣсколькихъ несчастныхъ земляковъ своихъ, — случай, по всей вѣроятности, взятый въ пѣсню изъ дѣйствительности. Сама она уже не хотѣла освобожденія и просила казаковъ, ея отпущенныхъ, захватить въ городъ Богуславъ къ ея отцу, сказать ему, чтобы онъ не заботился объ ея выкупѣ:

«Бо вже я потурчилась,
 «Побусурменилась,
 «Для роскоши турецкой,
 «Для лакомства несчастнаго...»

Вообще всѣ невольницкія думы, сверхъ чисто художественныхъ своихъ достоинствъ, представляютъ важный историческій источникъ для познанія быта невольниковъ въ Крыму и Турціи. Ихъ превратная судьба и разнообразныя приключенія въ плѣну и на каторгѣ; ихъ задушевные чувства и желанія, ненависть къ землѣ турецкой, вѣрѣ бусурманской, разлукѣ христіанской; ихъ встрѣчи въ плѣну радостныя и вмѣстѣ печальныя; ихъ молитвы о возвращеніи на родину, въ міръ крещеный, на ясны зори, на тихи воды, — все это выражено въ думахъ необыкновенно сильно и правдиво. И пусть нелегко было положеніе крестьянъ въ Московскомъ государствѣ, а особенно въ Польскомъ; пусть говорятъ, что польскіе крестьяне (т. е. русскій народъ) мучились у своихъ господъ какъ въ чистилищѣ, что у дурныхъ помѣщиковъ они находились въ положеніи худшемъ, чѣмъ невольники на каторгѣ²⁾; пусть наконецъ иные

¹⁾ О нравахъ татаръ, стр. 23. Срав. стр. 17.

²⁾ Бопланъ; стр. 11.

невольники вполне свыкались со своимъ положеніемъ, а иные, не стерпя его тяжести и «для лакомства несчастнаго», принимали бусурманство. При всемъ томъ, однако, народная дума вполне вѣрно выразила глубокое, идеальное чувство невольниковъ, давая понять, что родина оставалась для нихъ возжеланною землей, о которой они плакали съ неменьшей горестью, чѣмъ евреи объ Іерусалимѣ на рѣкахъ вавилонскихъ, по удачному выраженію одного малорусскаго этнографа¹⁾...

Что же дѣлала родина для ихъ освобожденія?

III.

Главное, почти единственное надежное средство къ освобожденію попавшихъ въ плѣнъ невольниковъ было выкупъ ихъ или государствомъ, или частными лицами. Такъ какъ набѣги крымскихъ татаръ были больше разбойническимъ промысломъ, нежели войною въ точномъ смыслѣ слова, то съ трудомъ могла быть рѣчь о выдачѣ плѣнныхъ безъ выкупа или о размѣнѣ ихъ масса на массу въ томъ случаѣ, когда татары теряли въ плѣнъ своихъ: они были не военноплѣнные, а украденная добыча, которую слѣдовало выкупать деньгами. Если иногда крымскіе ханы готовы были стать на государственную точку зрѣнія относительно плѣнныхъ, т. е. отпустить ихъ безъ выкупа или въ обмѣнъ на своихъ плѣнныхъ, то подданные ихъ сопротивлялись имъ, говорили, что для нихъ нѣтъ прибыли въ размѣнѣ, что для нихъ прибыльнѣе отпустить плѣнныхъ съ посланниками, чтобы брать за нихъ окупъ въ Москвѣ²⁾.

Выкупъ имѣлъ разныя формы, совершался на основаніи различныхъ сдѣлокъ. Или плѣнникъ самъ вступалъ въ договоръ со своимъ хозяиномъ, — и такой договоръ могъ имѣть мѣсто тотчасъ послѣ взятія въ плѣнъ, еще до увода въ Крымъ; или его выкупали родственники, отправлявшіеся въ Крымъ и тамъ отыскивавшіе его въ какомъ нибудь городѣ или аулѣ³⁾; или выкупъ дѣлали сначала купцы греческіе, армянскіе, татарскіе и другіе, которые потомъ привозили выкупленнаго въ Москву и тамъ получали свою плату изъ казны, либо съ родственниковъ и знакомыхъ его; или же дѣло выкупа брало на себя государство, въ лицѣ своихъ пословъ въ Крымъ, которые договаривались тамъ

¹⁾ П. Кулиша, Записки о Южной Руси, I, 214.

²⁾ Соловьевъ, XII, 83. Впрочемъ, и размѣнъ плѣнныхъ голова на голову (но не масса на массу) часто происходилъ между Московскимъ государствомъ и Крымомъ: см. общее о томъ замѣчаніе въ сочиненіи Котошигина, О Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича, стр. 48 (изд. 2-е). Срав. у Броневскаго, Опис. Крыма, стр. 364.

³⁾ Броневскій, стр. 357.

о размѣрѣ выкупной платы, о срокѣ и мѣстѣ выдачи плѣнныхъ, а иногда тутъ же выкупали нѣкоторое количество ихъ на сумму, даваемую имъ въ распоряженіе государствомъ. Эта послѣдняя форма выкупа чрезъ пословъ была обыкновенною, что и понятно: у государства гораздо больше средствъ и авторитета для совершенія сего дѣла, чѣмъ у частныхъ лицъ.

Бывшій два раза посломъ въ Крымъ и хорошо знавшій порядокъ выкупа плѣнныхъ, М. Броневскій въ своемъ донесеніи объясняетъ, какъ нелегко было выкупиться самому плѣннику безъ посторонней помощи, особенно — сильной помощи посла. По его словамъ, нерѣдко бывали такіе случаи, что плѣнникъ не стерпя тяжести неволи, а иногда по легкомыслію или тщеславію, наговорить о себѣ, что онъ де человекъ знатный, имѣющій богатыхъ родственниковъ, которые могутъ представить за него выкупъ больше обыкновенной рыночной цѣны раба; но хозяинъ начинаетъ оттого содержать его еще строже, какъ дорогого раба, и нетерпѣливо поджидать пріѣзда посла отъ его государства. Завидя посла, татаринъ выѣзжаетъ впередъ со своимъ узникомъ и начинаетъ требовать обѣщаннаго ему выкупа; но посолъ даетъ видъ, что онъ равнодушенъ къ судьбѣ земляка или замѣчаетъ вслухъ, что онъ незнатнаго происхожденія, небогатъ и не можетъ дать за себя большаго выкупа; тогда татаринъ уѣзжаетъ обратно со своимъ плѣнникомъ, а посолъ между тѣмъ употребляетъ другой способъ къ выкупу: онъ обращается къ мѣстнымъ купцамъ, особенно къ евреямъ, которые на полученные отъ посла деньги покупали плѣнника, какъ бы на свой счетъ, за цѣну меньшую, чѣмъ та, какую спрашивали съ посла: ибо плѣнникъ являлся пренебреженнымъ со стороны посла. Такимъ образомъ евреи и другіе купцы за полученный отъ посла подарокъ сбивали цѣну на плѣнниковъ; тѣ же купцы наддачею цѣны на нихъ могли оказать важныя затрудненія какъ плѣннику, такъ и самому послу. Впрочемъ, по словамъ Броневскаго, татары предпочитали имѣть дѣло съ посломъ, нежели съ купцами. Если посолъ не выкупалъ невольника, хозяинъ-татаринъ приказывалъ послѣднему писать письма къ роднымъ, — и тѣ дѣйствительно пріѣзжали иногда сами выкупать своего родича¹⁾. Само собою разумѣется, что хозяинъ-татаринъ во всякое время могъ продать своего узника за море или мѣстнымъ купцамъ для перепродажи, или же оставить его навсегда у себя въ услуженіи, если не нуждался въ продажѣ: потому что крымскіе татары не считали для себя обязательнымъ отдавать плѣнниковъ на выкупъ вообще, или ихъ соотечественникамъ въ частности. При такихъ условіяхъ, московскимъ и польскимъ посламъ въ Крымъ надобно было много умѣнья и изворотливости, чтобы вовремя и съ выгодой сдѣлать выкупъ своихъ соотечественниковъ.

¹⁾ У него же, глава о содержаніи и способѣ выкупа плѣнныхъ, стр. 363—364.

Въ Московскомъ государствѣ выкупъ плѣнныхъ является правильно организованнымъ приблизительно съ половины XVI-го вѣка. Молодой, ревностный въ устройствѣ земли, царь Иванъ Васильевичъ предложилъ на обсужденіе Стоглавому собору вопросъ о выкупѣ плѣнныхъ и обезпеченіи ихъ по возвращеніи изъ плѣна ¹⁾. Соборъ приговорилъ, что плѣнники въ Царьградѣ, Крыму, Кафѣ, Казани, Астрахани и во всѣхъ дальнихъ ордахъ должны быть выкупаемы царскими послами изъ царевой казны; что плѣнники, привозимые въ Москву на окупъ греками, армянами, турками и иными гостями, должны выкупаться также на казенный счетъ и ни въ какомъ случаѣ не должны выпускаться обратно изъ Москвы безъ выкупа, какъ это до сихъ поръ случалось; что сумма, потребная на выкупъ, должна быть раскинута на сохи по всей землѣ: ибо выкупъ есть дѣло общее земское и общая христіанская милостыня ²⁾. Таково было постановленіе митрополита Макарія и прочихъ отцовъ собора, одно изъ самыхъ важныхъ его постановленій, сдѣланныхъ по почину царя и имъ утвержденныхъ. Правда, митрополитъ Іоасафъ, предшественникъ Макарія, въ то время проживавшій въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ, выразилъ особое мнѣніе на счетъ полонянничнаго сбора: когда дѣянія и постановленія собора были присланы ему на просмотръ, то онъ замѣтилъ, что сумму на выкупъ плѣнныхъ было-бы справедливѣе брать изъ казны митрополита, владыкъ и монастырей, а не раскладывать ее на сохи, такъ какъ крестьяне и безъ того уже несутъ большое тягло. Но это мнѣніе не получило силы и не измѣнило соборнаго рѣшенія, хотя всѣ замѣчанія митрополита Іоасафа присоединены въ Стоглаву въ видѣ особой главы ³⁾. Итакъ, полонянничный сборъ первоначально былъ посошнымъ, т. е. падалъ на землю, въ томъ числѣ, конечно, и на церковную, бывшую во владѣніи митрополита, владыкъ и монастырей. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича дѣлаетъ дальнѣйшій, болѣе послѣдовательный шагъ въ законодательствѣ о плѣнныхъ: съ того времени полонянничный сборъ становится подворнымъ и для всѣхъ обязательнымъ ⁴⁾. Уложеніе опредѣляетъ и количество окупа, даваемого отъ казны въ помощь плѣнникамъ, притомъ въ довольно значительныхъ размѣрахъ, — именно: за плѣннаго дворянина да-

¹⁾ Стоглавъ, стр. 56—57 (изд. казанское). О земскомъ выкупѣ плѣнныхъ въ болѣе раннее время см. у *Соловьѣва* VII, 179—180 (письмо правительницы Елены Васильевны и великаго князя Ивана Васильевича, ея сына, къ архіепископу новгородскому Макарію, отъ 1535 года).

²⁾ Стоглавъ, глава 72-я «О искупленіи плѣнныхъ».

³⁾ Тамъ же, глава 100-я.

⁴⁾ Уложеніе, глава 8-я «О искупленіи плѣнныхъ»: а збирать тѣ денги погодно въ Посольскій приказъ, по новымъ переписнымъ книгамъ, а не по сошному письму, чтобы въ томъ денежномъ сборѣ никто въ избылхъ не былъ». (Уложеніе, изд. 1737 г. стр. 21).

чалось по 20-ти рублей съ каждахъ ста четвертей его помѣстной земли, за московскаго стрѣльца — по 40-ка рублей, за украинскаго стрѣльца и козака по 25-ти рублей, за посадскаго человѣка — 20-ть рублей, за пашеннаго крестьянина и боярскаго человѣка по 15-ти рублей. Впрочемъ, относительно дворянъ, взятыхъ въ плѣнъ не на войнѣ и не въ посылкѣ, Уложеніе опредѣляетъ гораздо меньшую сумму окупа, именно 5-ть рублей со ста четвертей помѣстной земли¹⁾. Еще ранѣе того правительство объявляло, что тѣ дворяне и дѣти боярскія съ женами и дѣтьми, которые по извѣщенію воеводы не пріѣдутъ въ осаду, т. е. не соберутся заблаговременно изъ уѣзда въ городъ и будутъ захвачены въ плѣнъ татарами, вовсе будутъ лишены помощи отъ казны на выкупъ, а должны будутъ выкупаться на собственный счетъ²⁾. Конечно, на эти цифры Уложенія нельзя смотрѣть какъ на точную норму, ни даже какъ на средній размѣръ выкупной платы, — ибо эта плата колебалась въ разное время по разнымъ причинамъ, и никакъ не могла быть впередъ опредѣлена, какъ нѣчто обязательное для Крыма и Турціи; по нашему мнѣнію, на эти цифры надо смотрѣть именно какъ на размѣръ пособія отъ казны, на которое имѣли право рассчитывать освободившіеся на своей счетъ плѣнники или родственники, выкупившіе ихъ изъ неволи, причемъ дѣйствительная-то выкупная плата могла быть и больше, и меньше казеннаго пособія; вѣроятно же, однако, что она бывала обыкновенно больше установленнаго пособія. Само собою разумѣется, что знатные плѣнники выкупались изъ Крыма гораздо большею цѣной: такъ напримѣръ, царь Иванъ Васильевичъ въ 1577 году заплатилъ за своего любимца Василя Грязнаго, попавшаго въ крымскій плѣнъ при разѣздѣ въ степи, двѣ тысячи рублей выкупа; но при этомъ не оставилъ замѣтить ему въ письмѣ: «мы для приближенія твоего тысячи двѣ рублей дадимъ, а доселѣва такіе какъ ты по пятидесяти рублей бывали...»³⁾. Еще дороже и съ гораздо большими заботами обошелся царю Алексѣю Михайловичу выкупъ его боярина В. Б. Шереметева, взятаго въ плѣнъ татарами подъ Чудновымъ (въ октябрѣ 1660 года); выкупъ боярина затрудняли, между прочимъ, другіе русскіе плѣнники, которые, по словамъ Шереметева, внушали татарамъ, что если онъ будетъ отпущенъ, то послѣ ни размѣна, ни окупа за остальныхъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 22.

²⁾ См., напримѣръ, наказъ кривяченскому воеводѣ Киякину отъ 1631 года: Сибирскій сборникъ, акты, относящ. до рода Киякинхъ, стр. 26. Въ этихъ актахъ встрѣчаются и другія указанія, къ нашему предмету относящіяся, напр. про брата сейчасъ названнаго воеводы, по имени Петра Федоровича, который въ 1614 году былъ взятъ у Николы Зарайскаго въ плѣнъ татарами и проданъ на каторгу, гдѣ провелъ много время, пока не былъ выкупленъ въ Азовѣ: стр. 5.

³⁾ *Карамзинъ IX*, примѣч. 405—407.

плѣнныхъ не будетъ. За молодаго князя Ромодановскаго, раздѣлявшаго судьбу Шереметева, татары запрашивали 80 тысячъ ефимковъ, да плѣнныхъ татаръ шестьдесятъ человѣкъ; но Ромодановскій сердился и рѣшительно отвѣчалъ татарамъ, что больше десяти тысячъ за него не будетъ дано ¹⁾. Приведемъ еще нѣсколько указаній на выкупную цѣну русскихъ плѣнниковъ въ XVIII вѣкѣ. Въ 1642 году посланники Милославскій и Лазаревскій, отправляясь въ Константинополь, получили казну, между прочимъ, на выкупъ плѣнныхъ: въ наказѣ имъ говорилось, чтобы цѣну давать смотря по тамошнему, дабы даромъ никому не дать: за дворянъ и дѣтей боярскихъ давать отъ 20—50 рублей за человѣка, а за мелкихъ людей отъ 10—20 рублей, т. е. за стрѣльцовъ, козаковъ и черныхъ людей ²⁾. Эти цифры оказываются нѣсколько ниже уставленныхъ въ послѣдствіи въ Уложеніи; но онѣ, очевидно, только приближительныя, проэктировавшіяся въ Москвѣ; дѣйствительная цѣна плѣнникамъ на мѣстѣ могла быть иная, т. е. и больше, и меньше проэктированной; притомъ много стоили издержки за провозъ выкупленныхъ людей отъ Царьграда до Москвы. Въ 1674 году къ кievскому воеводѣ князю Трубецкому пріѣхалъ греческій купецъ Дмитрій Ивановъ и объявилъ, что онъ, по совѣту своего соплеменника, кievскаго купца, выкупилъ на свой счетъ въ Царьградѣ тридцать четыре человѣка плѣнниковъ, мужчинъ и женщинъ, за сумму 8.280 ефимковъ, т. е. среднимъ числомъ свыше 240 ефимковъ за человѣка; это были большею частію служилые люди: рейтары, драгуны, стрѣльцы и козаки. Показанная цѣна, если только вѣрно показывалъ ее грекъ, гораздо выше опредѣленнаго въ Уложеніи пособія; очевидно, что недостающую сверхъ уставленной Уложеніемъ сумму купецъ долженъ былъ выбирать на самихъ освобожденныхъ или родственникахъ ихъ ³⁾.

Мѣстомъ сбора полонянничныхъ денегъ былъ Посольскій приказъ, по крайней мѣрѣ во время службы въ немъ подъячаго Котошихина; сумма же полонянничныхъ денегъ, по его словамъ, простиралась до ста пятидесяти тысячъ рублей ежегодно ⁴⁾. Эта сумма полонянничнаго сбора возбуждаетъ сомнѣніе нѣкоторыхъ изслѣдователей; они находятъ, что ее трудно согласить съ количествомъ дворовъ и народонаселенія въ Московскомъ государствѣ; остановимся нѣкоторое время на этомъ вопросѣ.

По Уложенію опредѣлено собирать полонянничныя деньги въ слѣдующихъ размѣрахъ: съ посадскихъ людей, съ ямщиковъ и всякихъ городскихъ жителей, а также съ крестьянъ патріаршихъ, архіерейскихъ и монастырскихъ по-

¹⁾ Соловьевъ, XII, 81—83.

²⁾ Тамъ же, IX, 277.

³⁾ Сибирскій сборникъ, Малоросс. дѣла, № 172.

⁴⁾ Котошихинъ, О Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича, стр. 72.

восьми денегъ съ двора; это былъ весьма значительный классъ плательщиковъ полонянничнаго сбора и съ наивысшимъ окладомъ. Съ крестьянъ государевыхъ, дворцовыхъ и черныхъ и съ помѣщичьихъ крестьянъ бралось по четыре деньги съ двора; это былъ самый обширный классъ плательщиковъ, хотя съ окладомъ на половину меньшимъ противъ перваго класса. Наконецъ, со служилыхъ людей: стрѣльцовъ, козаковъ, пушкарей, затинщиковъ и воротниковъ, съ казенныхъ плотниковъ и кузнецовъ взималось по двѣ деньги съ двора; это былъ классъ плательщиковъ, незначительный по числу и по окладу. Можно полагать, — разсчитываетъ г. Лохвицкій — что среднимъ числомъ платилось на окупъ плѣннымъ по пяти денегъ съ двора: въ такомъ случаѣ выйдетъ, что въ царствованіе Алексѣя Михайловича Россія имѣла 6 милліоновъ дворовъ или 30 милліоновъ жителей, за исключеніемъ дворянства, духовенства, инородцевъ и пр., что, очевидно, неправдоподобно ¹⁾. Нѣтъ нужды, однако, дѣлать такого вывода, да и самый способъ такого разсчета нельзя признать правильнымъ. Во 1-хъ, нельзя согласиться съ выводомъ средней цифры по пяти денегъ съ двора: ибо первые два класса плательщиковъ, самыхъ многочисленныхъ и съ наивысшимъ окладомъ, т. е. всѣ посадскіе и всѣ крестьяне платили, какъ было сказано, одни 8 денегъ, а другіе — 4 деньги; слѣдовательно, средняя цифра скорѣе будетъ *шесть*, чѣмъ *пять* денегъ съ двора. Во 2-хъ, мы не видимъ основаній, почему слѣдуетъ полагать, что въ шести милліонахъ дворовъ жило тридцать милліоновъ народу, т. е. среднимъ числомъ по пяти человекъ во дворѣ, когда источники говорятъ иное, указываютъ гораздо меньшіе по числу душъ дворы. Вотъ для примѣра нѣсколько строкъ изъ описи городовъ 1667 года: «городъ *Тотьма*, на посадѣ 215 дворовъ, людей въ нихъ 296. Въ уѣздѣ 2098 дворовъ, людей въ нихъ 3725; дворовъ половничьихъ 36 людей въ нихъ 51. Денегъ данныхъ и оброчныхъ 1495 рублей, полонянничныхъ 68 рублей, таможенныхъ и кружечныхъ 2350 рублей. Городъ *Вязьма*, на посадѣ 379 дворовъ, людей въ нихъ 400. Въ уѣздѣ крестьянскихъ и бобыльскихъ 1542 двора, людей въ нихъ 1563. Данныхъ и оброчныхъ 93 рубля, полонянничныхъ 30, таможенныхъ и кружечныхъ 1196 рублей. Городъ *Клинъ*, на посадѣ 25 дворовъ и въ нихъ столько же людей. Въ уѣздѣ 615 дворовъ. Данныхъ, оброчныхъ и полонянничныхъ 2 рубля, съ уѣзду полонянничныхъ 12 рублей, съ кружечнаго двора 228 рублей» ²⁾. Въ 3-хъ, весьма вѣроятно, что

¹⁾ А. Лохвицкій, О плѣнныхъ по древнему русскому праву, Моск. 1855, стр. 15, въ гл. 3-й. Эта глава — наиболее обработанная въ названной монографіи; но теперь требуется много новыхъ дополненій и поправокъ къ книгѣ. Не знаемъ, были ли другія изслѣдованія историко-юридическія въ этомъ родѣ.

²⁾ Солов. ХП, прилож. II, на стр. 388—389 (важное по даннымъ относительно полонянничныхъ денегъ).

большіе монастыри и богатые частныя лица не ограничивались платою полонянничныхъ денегъ въ установленномъ размѣрѣ, а жертвовали больше чѣмъ казенную сумму на такое доброе дѣло, какъ выкупъ христіанъ изъ бусурманской неволи. Во всякомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, нѣтъ основаній заподозривать цифру полонянничнаго сбора у Котошихина и считать ее «невѣроятно большою», тѣмъ больше, что Котошихинъ, обстоятельный и добросовѣстный писатель, приведя цифру полонянничнаго сбора, замѣчаетъ, что «окромѣ выкупу тѣхъ денегъ не даютъ ни въ какіе расходы»; эта оговорка можетъ служить косвеннымъ подтвержденіемъ правильности цифры полонянничной суммы, у него показываемой.

Выходитъ такимъ образомъ, что полонянничныя сборы, ежегодно отправляемый въ Крымъ и Турцію на выкупъ русскихъ плѣнныхъ, значительно превышалъ сумму поминковъ, въ тотъ же Крымъ посылаемыхъ («а будетъ тѣхъ поминковъ на годъ больше 20.000 рублей»), а вмѣстѣ съ ними составлялъ очень значительную ежегодную дачу въ пользу Крыма отъ Московскаго государства, хотя, конечно, не каждый годъ одинаково большую ¹⁾).

Впрочемъ, организація государственнаго выкупа плѣнныхъ, раскладка полонянничнаго сбора, размѣры его и дѣйствительнаго отпуска въ Крымъ ежегодно — предметъ большой и сложный, заслуживающій особаго внимательнаго изслѣдованія; въ настоящемъ очеркѣ мы касаемся его только мимоходомъ.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о другихъ способахъ освобожденія плѣнниковъ изъ крымской и турецкой неволи.

Какъ ни трудно, какъ ни опасно было со стороны плѣнниковъ отважиться на побѣгъ изъ плѣна, бывали, однако, нерѣдкіе случаи, что они рѣшались на побѣгъ и благополучно его совершали. Выходцы являлись къ воеводѣ ближайшаго города, обыкновенно въ Кіевъ, и передавали различныя вѣсти о положеніи дѣлъ въ Крыму и Турціи, о намѣреніяхъ тамошняго правительства, о настроеніи умовъ среди подвластныхъ христіанъ, о расположеніи войскъ и т. п. Выслушавъ эти вѣсти, воевода со своею отпиской отправлялъ выходцевъ въ Москву, гдѣ они подтверждали свои показанія и затѣмъ получали награду за полное терпѣніе и доставку вѣстей, вѣроятно, въ размѣрѣ, определенномъ въ Уложеніи на пособіе плѣннымъ. Такіе выходцы, бывшіе плѣнники конотопскіе и чудновскіе, а иногда еще болѣе ранняго времени, не разъ приходили въ Кіевъ къ воеводѣ князю Трубецкому въ семидесятыхъ годахъ XVII вѣка и рассказывали ему исторію своего плѣна, иногда долговременнаго и многотруд-

¹⁾ Котошихинъ, стр. 47. Какъ извѣстно, даваніе въ Крымъ поминковъ было отмѣнено въ концѣ XVII вѣка; турки также были принуждены признать эту отмѣну. См. переговоры въ Константинополѣ думнаго дьяка Украинцева въ 1699 и 1700 годахъ у *Соловьева*. И. Р. XIV, стр. 306—310; въ частности о поминкахъ на стр. 309.

наго, исполненнаго разнообразныхъ приключеній. Такъ, въ 1674 году въ Бѣвъ пришли шестеро выходцевъ: одинъ изъ нихъ родомъ изъ Полтавы, Дмитрій Алексѣевъ, — имя это должна сохранить исторія — былъ захваченъ татарами въ лѣсу подъ Полтавой, пазадъ тому *тридцать семь лѣтъ*, тотчасъ былъ проданъ туркамъ на котору *и все послѣдующее время провелъ на каторгѣ*, — примѣръ продолжительности жизни невольника на галерѣ, въ высшей степени замѣчательный! Другіе его товарищи воротились домой кто чрезъ Молдавію и Польшу, кто чрезъ Венецію и европейскія земли¹⁾. Очень любопытное извѣстіе о подобныхъ плѣнникахъ, бѣжавшихъ изъ турецкой неволи и потомъ скитавшихся въ Венеціи и разныхъ странахъ европейскихъ, иногда попадавшихъ что называется изъ огня да въ полымя, находимъ въ статейномъ спискѣ стольника Чемоданова, бывшего посланникомъ въ Венецію въ 1657 году вмѣстѣ съ дьякомъ Посниковымъ; въ бытность ихъ тамъ, къ нимъ пришли однажды больше пятидесяти человекъ «турскихъ полоняниковъ русскихъ людей» — пришли просить милостыни и съ вѣстями, что въ Царьградѣ и во всей турецкой землѣ «Отъ Великаго Государя, Его Царскаго Величества, турскій царь и всѣ паши страшны и остерегаются вельми государевыхъ ратныхъ людей со всѣхъ сторонъ; а которыми-де государства они полоненики шли изъ полону, и въ тѣхъ во всѣхъ государствахъ его государское имя прославляютъ; а иные-де наша братья полоненики пошли разными государства къ Москвѣ» и т. д.²⁾ Такъ-то православная вѣра, да надежда на Великаго Государя, Его Царское Величество, поддерживали духъ невольниковъ въ ихъ тяжелой судьбѣ, давали имъ силы достигать до любезной родины изъ далекихъ концовъ Европы и Азіи.

Весьма важныя услуги дѣлу освобожденія плѣнниковъ оказало козачество. Мимо государства, часто вопреки приказаніямъ правительства московскаго и польскаго, казаки вели войну съ крымскими татарами и турками; цѣль этой войны была не только въ томъ, чтобы добыть зипуновъ, но и въ томъ еще, чтобы освободить своихъ единовѣрцевъ изъ бусурманской неволи. Въ борьбѣ съ бусурманствомъ — значеніе козачества и существенная заслуга его предъ государствомъ; этою борьбой оно искупило свои грѣхи предъ нимъ. Безпре-
станная война, мелкая и крупная, козаковъ съ татарами и турками кипѣла въ степи, на морѣ, въ устьяхъ черноморскихъ и азовскихъ рѣкъ, гдѣ турки поставили укрѣпленія, чтобы запереть козакамъ выходъ въ море; однако Азовъ неоднократно былъ осаждаемъ и разрушаемъ донскими козаками въ XVI и XVII

¹⁾ Сибирскій сборникъ, Малоросс. дѣла, №№ 158 и 179. Срав. тамъ же показанія греческихъ купцовъ №№ 149 и 172.

²⁾ Древ. Росс. Вивліюэна, ч. IV, стр. 246 (изд. 2-е). Припомнимъ также трогательный рассказъ въ запискахъ Болотова объ одномъ изъ его предковъ, спасшемся бѣгствомъ изъ крымской неволи.

вѣкахъ, не смотря на его сильныя укрѣпленія и неоднократные походы турокъ въ помощь ему. Равнымъ образомъ перѣдки были походы въ Крымъ козаковъ донскихъ, запорожскихъ и украинскихъ: вспомнимъ для примѣра походъ гетмана Бопашевича-Сагайдачнаго въ 1606 году, когда онъ взялъ Кафу, погромилъ 14 тысячъ мусульманъ, перетопилъ и сжегъ турецкія каторги и освободилъ многихъ христіанскихъ плѣнниковъ¹⁾. Кошевой Сѣрко дѣлалъ туда неоднократныя впаденія; изъ описанія похода его 1675 года видно, что запорожцы его очень хорошо знали дороги и всю топографію Крыма; въ упомянутомъ году они ворвались въ Крымъ не чрезъ переконскій перешеекъ, а чрезъ Сивашъ, притомъ такъ нечаянно, что ханъ съ дворомъ едва успѣлъ убѣжать въ горы; козаки опустошили окрестности Евпаторіи, Карасубазара, Бахчисарая, захватили тринадцать тысячъ плѣнныхъ татаръ и христіанъ, затѣмъ тою же дорогой воротились въ Сѣчь. Выше было сказано о судьбѣ тѣхъ плѣнныхъ, которые хотѣли было вернуться въ Крымъ; остальные христіанскіе плѣнники были отпущены въ Малороссію; одна часть татарскихъ ясырей была отправлена въ Москву, другая—къ гетману Самойловичу, а третья числомъ до четырехъ тысячъ удержана въ Сѣчи до выкупа²⁾. Доступъ въ Крымскіе города съ моря былъ для козаковъ не болѣе труденъ: такъ въ 1657 году донскіе козаки обогнули Крымъ и вошли внутрь его чрезъ устье Альмы; въ 1659 году они же дѣлали высадки подъ Кафой, Керчью, Балаклавой, углублялись внутрь полуострова верстъ на пятьдесятъ, взяли плѣнныхъ татаръ двѣ тысячи, освободили своихъ полтораста человѣкъ³⁾. Вообще при всѣхъ нападеніяхъ козаки старались захватить по больше бусурманскаго ясырю, который могъ пригодиться въ обмѣнъ за своихъ, или же доставить за себя выкупъ, причемъ—замѣчаетъ Бопланъ—они также брали дѣтей, которыхъ потомъ употребляли въ домахъ для прислуживанья. Въ самомъ дѣлѣ: обычай держать для услугъ въ домѣ турченковъ, татарченковъ, арапченковъ и т. п. былъ, вѣроятно, очень давнимъ въ Польшѣ и Россіи. Старыхъ же плѣнниковъ мусульманскихъ, по словамъ Боплана, козаки не брали, развѣ только богатыхъ, за которыхъ надѣялись получить хорошій выкупъ⁴⁾. Въ первую половину XVII вѣка козаки вообще вели энергичную наступательную борьбу съ Крымомъ и Турціей, переплывали даже Черное море, громили берега азіатской и европейской Турціи,

¹⁾ Собраніе сочиненій *М. Максимовича* I, стр. 359—360 (Кіевъ, 1876).

²⁾ Лѣтопись Самуила Величича II, 372—383: «О войнѣ Сѣрковой на Крымъ». Бопланъ говоритъ о пути козаковъ чрезъ Сивашъ, какъ обыкновенномъ ихъ пути въ Крымъ: *Beschreib. d. Ukraina u. d. Krim*, 52.

³⁾ *Соловьевъ*, XI, 15; 62.

⁴⁾ Бопланъ, стр. 5.

угрожая самому султану въ Царьградѣ¹⁾. Во вторую половину того же вѣка положеніе дѣлъ въ Малороссіи измѣнилось далеко не въ ея выгоду; теперь наоборотъ начинается стремительное наступленіе татаръ и турокъ. Но это было почти послѣднее ихъ наступленіе; усилившееся могущество Московскаго государства, обратившагося въ Россійскую Имперію, положило конецъ борьбѣ съ Польшей, послѣ чего и Крымъ легко былъ присоединенъ къ имперіи; вмѣстѣ съ тѣмъ былъ положенъ конецъ русскому невольничеству въ немъ²⁾.

Да будетъ же благословенна память Петра и Екатерины Великихъ, поднявшихъ государственную мощь Россіи и окончательно свергнувшихъ татарское иго! Да не забудутся и страданія многочисленныхъ, безвѣстныхъ и безымянныхъ полоняниковъ русскихъ въ тяжелой бусурманской неволѣ!

М. Березжковъ.

¹⁾ Кромѣ Боилана, весьма интересныя свѣдѣнія о морскихъ походахъ козаковъ сообщаютъ современники его—англійскій посланникъ *Тома Рой* и итальянскій путешественникъ *Петръ де ла Валле*: они приведены въ книгѣ В. И. Ламанскаго, *О славянахъ въ Малой Азіи, въ Африкѣ и въ Испаніи*, стр. 90—100.

²⁾ При занятіи Крыма нашими войсками при Екатеринѣ оттуда было выведено болѣе десяти тысячъ рабовъ: Сочиненія С. М. Соловьева, стр. 34 (Москва, 1882)